

Кафедра Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова

Геополитика

Информационно-аналитическое издание

Тема выпуска:

Евразийский Союз

Выпуск XIII

Москва 2011 г.

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XIII, 2011. - 112 стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова.

Главный редактор:
Савин А.В.

Научно-редакционный совет:
Агеев А.И., докт. эконом. наук
Добаев И.П., докт. философ. наук
Дугин А.Г., докт. полит. наук
Комлева Н.А., докт. полит. наук
Майтдинова Г. М., докт. истор. наук
Мелентьева Н.В., канд. философ. наук
Попов Э.А., докт. философ. наук
Черноус В.В., канд. философ. наук
Четверикова О.Н., канд. ист. наук
Альберто Буэла (Аргентина)
Тиберио Грациани (Италия)
Мехмет Перинчек (Турция)
Матеуш Пискорски (Польша)

© – авторы.
Адрес редакции:
РФ, 115432 г. Москва, 2-й Кожуховский пр. д 12, стр. 2
Тел./Факс (495) 783 68 66
Geopolitika.ru@gmail.com
www.geopolitika.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Евразийский взгляд	4
<i>Дугин А.Г.</i>	
Евразийский Союз: от идеи к практике	15
<i>Солозобов Ю.М.</i>	
Великая Стратегия для Евразийского Союза	26
<i>Савин Л.В.</i>	
Возможности и перспективы Евразийского Союза	31
<i>Шапвалова А.А.</i>	
Россия: восстановление империи по возможности	36
<i>Лорен Гудрич</i>	
Камо грядеши, Россия?	41
(Оборонный аспект в деле формирования Евразийского союза)	
<i>Матвиенко Ю.А.</i>	
Заигрывания Украины с Китаем и поиски Евразийского союза Россией	51
<i>Смита Пурушоттам</i>	
Геополитическая ситуация у западных границ Евразийского Союза	59
<i>Гулевич В.А.</i>	
Геостратегия «Анаконда» и Евразия	65
<i>Алтухов В.А.</i>	
Стратегическая переорганизация	82
<i>Токмакова М.В.</i>	
Что такое жить в империи	89
<i>Лурье С.В.</i>	
Экзистенциальная геополитика Карло Террачано	94
<i>Дугин А.Г.</i>	
Рецензии.	101
Сведения об авторах	110

Евразийский взгляд

Дугин А.Г.

Дыхание эпох

Для каждой исторической эпохи характерна своя «система координат»: политическая, идеологическая, экономическая, культурная. Например, XIX век в России прошел под знаком противоборства «славянофилов» и «западников». В XX веке водораздел прошел между «красными» и «белыми». XXI век станет веком противостояния «атлантистов»¹ (сторонников «однополярного глобализма»²) и «евразийцев»³.

1 Атлантизм – это геополитический термин, указывающий:

- исторически и географически – на Западный сектор мировой цивилизации;
- военно-стратегически – на страны-члены НАТО (в первую очередь – США);
- культурно – на унифицированную информационную среду, создаваемую западными медиа-империями;
- социально – на «рыночный строй», возведенный в абсолют и отрицающий многообразие иных форм организации экономической жизни. \

Атлантисты – это стратеги Западной цивилизации и их сознательные сторонники в других частях планеты, стремящиеся поставить под свой контроль весь мир, навязать характерные для Западной цивилизации социальные, экономические и культурные стереотипы всему остальному человечеству. Атлантисты являются строителями «нового мирового порядка» – никогда не бывшего прежде устройства мира, выгодного абсолютному меньшинству населения планеты, т.н. «золотому миллиарду».

2 Глобализм, глобализация — процесс построения «нового мирового порядка», в центре которого стоят политико-финансовые олигархические группировки Запада. В жертву глобализации приносятся суверенные государства, национальные культуры, религиозные доктрины, хозяйственные традиции, представления о социальной справедливости, окружающая среда – все духовное, интеллектуальное и материальное многообразие планеты. Термин «глобализм» в обычной политической лексике означает именно «однополярный глобализм»: не слияние многообразных культур, социально-политических и экономических систем в нечто новое (это было бы «многополярным глобализмом» или «евразийским глобализмом»), но навязывание человечеству западных стереотипов. Глобализм на практике представляет собой новую форму «колониализма» и «империализма».

3 Евразийство (в широком смысле) – базовый термин, указывающий:

- исторически и географически – на весь мир за исключением Западного сектора мировой цивилизации;
- военно-стратегически – на страны, неодобительно относящиеся к экспансионистской политике США и их союзников по НАТО;
- культурно – на сохранение и развитие органичных национальных, этнических, религиозных и культурных традиций;
- социально – на многообразие форм хозяйствования и «общество социальной справедливости».

Евразийство (в узко историческом смысле) — философское направление, возникшее в 20-е годы в среде русской эмиграции. Основные авторы – Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Н.Н.Алексеев, В.Г.Вернадский, В.Н.Ильин, П.П.Сувчинский, Э.Хара-Даван, Я.Бромберг и др. С 50-х по 80-е гг. это направление развивал и углублял Л.Н.Гумилев.

Неоевразийство — возникло в конце 80-х (основатель — философ А.Г.Дугин), расширило традиционное понятие евразийства, объединив его с новыми идейными и методологическими блоками – традиционализмом, геополитикой, метафизикой, элементами философии «новых правых», «новых левых», «третьего пути» в экономике, теорией «прав народов», «этнического федерализма», экологией, онтологической философией, эсхатологическим вектором, новым пониманием универсальной миссии русской истории, парадигматическим видением истории науки и т.д.

Против установления атлантистского миропорядка и глобализации выступают сторонники многополярного мира – евразийцы. Евразийцы принципиально отстаивают необходимость сохранения самобытности каждого из народов Земли, многоцветия культур и религиозных традиций, неоспоримость права народов самостоятельно выбирать путь своего исторического развития. Евразийцы приветствуют общение культур и ценностных систем, открытый диалог народов и цивилизаций, органичное сочетание приверженности традициям с творческим новаторством в культуре.

Быть евразийцем — это сознательный выбор, сочетающий стремление сохранить традиционные формы бытия со стремлением к свободно-мому творческому развитию (общественному и личному).

Поэтому евразийцы – это не только представители народов, населяющих континент Евразия. Евразийцами являются все свободные творческие личности, признающие ценность традиции — в том числе и представители регионов, объективно являющихся базой атлантизма.

Евразийцы и атлантисты противоположны друг другу. Они отстаивают два разных, альтернативных, образа мира и его будущего. Именно противостояние евразийцев и атлантистов определит исторический облик XXI века.

Евразийское видение будущего мира

Евразийцы последовательно отстаивают принцип многополярности, выступая против однополярной глобализации, навязываемой атлантистами.

В качестве полюсов этого нового мира будут выступать не традиционные государства, а новые интеграционные цивилизационные образования («большие пространства»), объединенные в «геоэкономические пояса» («геоэкономические зоны»).

Исходя из принципа многополярности, будущее мира представляется как равные, доброжелательные партнерские отношения всех стран и народов, организованных по принципу географической, культурной, ценностной и цивилизационной близости в четыре геоэкономических пояса (каждый их геоэкономических поясов состоит, в свою очередь, из нескольких «больших пространств»)

Евро-африканский пояс, включающий три «больших пространства»: Европейский Союз, Исламско-арабская Африка, субтропическая (черная) Африка;

Азиатско-Тихоокеанский пояс, включающий Японию, страны Юго-Восточной Азии и Индокитая, Австралию и Новую Зеландию;

Евразийский континентальный пояс, включающий четыре «больших пространства» — «Евразийский Союз» (куда входят Россия, страны СНГ плюс некоторые страны Восточной Европы), страны континентального ислама, Индию, Китай;

Американский пояс, включающий три «больших пространства» — Северную Америку, Центральную Америку и Южную Америку.

При такой организации мирового пространства маловероятны глобальные конфликты, кровопролитные войны, крайние формы конфронтации, угрожающие самому бытию человечества.

Россия и ее партнеры по евразийскому континентальному поясу установят гармоничные отношения не только с поясами-соседями (евро-африканским и тихоокеанским), но и с поясом-антиподом (американским) который также призван играть конструктивную роль в Западном полушарии в контексте многополярного устройства.

Такое видение будущего человечества противоположно глобалистским планам атлантистов по созданию однополярного стереотипного

мира под контролем олигархических структур Запада, с перспективой создания «мирового правительства».

Евразийское видение эволюции государства

Евразийцы считают «государства-нации» в их современном виде устаревшей формой организации пространств и народов, характерной для исторического периода XV-XX вв. На место «государств-наций» должны прийти новые политические образования, сочетающие в себе стратегическое объединение больших континентальных пространств со сложной, многомерной системой национальных, культурных и хозяйственных автономий внутри. Определенные черты такой организации пространств и народов можно увидеть как в великих империях прошлого (империи Александра Македонского, Римской империи и др.), так и в новейших политических структурах (Европейский Союз, СНГ).

Нынешние государства сегодня имеют перед собой следующие перспективы:

- 1) самоликвидация и интеграция в единое планетарное пространство с доминанцией США (атлантизм, глобализация);
- 2) противостояние глобализации, попытка сохранить свои административные структуры (формальный суверенитет) вопреки глобализации;
- 3) вхождение в надгосударственные образования регионального типа («большие пространства») на основании исторической, цивилизационной и стратегической общности.

Третий вариант – евразийский. С точки зрения евразийского анализа только такой путь развития способен сохранить все самое ценное и самобытное, что призвано защищать современные государства перед лицом глобализации. Чисто консервативное стремление сохранить государство любой ценой обречено. Сознательную ориентацию политического руководства государств на растворение в глобалистском проекте евразийцы расценивают как отказ от той относительной ценности, которой исторические государства обязаны своим существованием.

XXI век будет ареной судьбоносных решений политическими элитами нынешних государств этой задачи с тремя возможными исходами. Борьба за третий вариант развития лежит в основе новой широкой международной коалиции политических сил, резонирующих с евразийским мировоззрением.

Евразийцы видят в Российской Федерации и СНГ ядро будущего самостоятельного политического образования – «Евразийского Союза» и, далее, одного из основных четырех мировых геоэкономических поясов («Евразийский континентальный пояс»).

В то же время, евразийцы являются убеждёнными сторонниками разветвления многомерной системы автономий⁴.

Автономия противоположна суверенитету – способу организации народов и пространств, характерному для государств-наций в их современном виде. В случае суверенитета речь идет о приоритетном праве на свободное и независимое распоряжение территорией. Автономия подразумевает независимость в вопросе организации коллективного бытия людей в областях, не связанных с распоряжением территорией.

Принцип многомерных автономий рассматривается как оптимальная структура организации жизни народов, этносов, социо-культурных групп как в РФ, так и в «Евразийском Союзе», в «Евразийском континентальном поясе», во всех остальных «больших пространствах» и «геоэкономических поясах» («зонах»).

Все земли (территории) новых политико-стратегических образований («больших пространств») должны находиться в прямом ведении центра стратегического управления. В компетенции автономий должны находиться вопросы, сопряженные с нетерриториальными аспектами управления коллективами.

Евразийский принцип разделения властей

Евразийский принцип политического устройства подразумевает два различных уровня управления: местный и стратегический.

На местном уровне управление осуществляется автономиями – естественно сложившимися общинами различного типа (от многомиллионных народов до трудовых коллективов в несколько человек). Управление это осуществляется совершенно свободно и не регламентируется никакими высшими инстанциями. Модель каждого типа автономии выбирается свободно, исходя из традиций, предпочтений, прямого демократического волеизъявления органических коллективов – общин, групп, этносов, религиозных организаций.

В ведении автономий находятся:

*гражданские и административные вопросы,
социальная сфера,
образование и медицинское обслуживание,
все сферы хозяйственной деятельности.*

Это все, кроме стратегических отраслей, то есть вопросов, касающихся безопасности и территориальной целостности «большого пространства».

Уровень гражданских свобод при организации общества по евразий-

⁴ Автономия (греч. самоуправление) – форма естественной организации коллектива людей, объединенных по какому-либо органическому признаку (национальному, религиозному, профессиональному, родовому и пр.). Для автономии характерна максимальная свобода в сферах, не касающихся стратегических интересов политических образований континентального масштаба.

скому автономному принципу, беспрецедентно высок. Человек получает невиданные в человеческой истории возможности для самореализации и творческого развития.

Вопросы стратегической безопасности, международная деятельность, осуществляемая за рамками единого континентального пространства, экономические проблемы макроуровня, контроль за стратегическими ресурсами и коммуникациями – находятся в ведении единого стратегического центра*.

Единый стратегический центр – условное название инстанции, которой делегирован контроль за стратегическими областями управления «большим пространством». Представляет собой строго иерархизированную структуру, сочетающую элементы военного, правового и административного ведомств. Полюс геополитического планирования и руководства «большим пространством».

В его ведении находятся разрешение спорных вопросов между автономиями, установление границ компетенции, рассмотрение арбитражных споров.

Сферы компетенции властей стратегического и местного уровней строго разграничены. Любые попытки вмешательства автономий в вопросы, находящиеся в компетенции единого стратегического центра, должны пресекаться. И наоборот.

Таким образом, евразийские принципы управления органично сочетают в себе традиционное и религиозное право, национальные и местные традиции, учитывают богатство исторически сложившихся общественно-политических укладов, предоставляя при этом надежные гарантии стабильности, безопасности и неприкосновенности территорий.

Евразийское видение экономики

Атлантисты стремятся навязать всем народам мира единую модель экономического устройства, присвоить опыту хозяйственного развития западной части человеческой цивилизации в XIX-XX вв. статус эталона. Хозяйственным системам других народов и эпох атлантисты отказывают в праве на существование, отрывая таким образом область хозяйствования от конкретных исторических, национальных и социальных условий. Евразийцы, напротив, убеждены в том, что экономический уклад является производным от исторических, культурных аспектов развития народов и обществ; следовательно, в экономической сфере закономерны многообразие, многоукладность, творческий поиск, свободное развитие.

Жестко контролироваться должны лишь масштабные стратегические области, связанные с обеспечением общей безопасности (ВПК, транспорт, ресурсы, энергоснабжение, коммуникации). Все остальные

сектора экономики должны развиваться свободно и органично, в соответствии с условиями и традициями конкретных автономий, где непосредственно разворачивается хозяйственная деятельность.

Евразийство настаивает на том, что в области экономики не существует никаких абсолютных истин – рецепты либерализма и марксизма** применимы только частично и в зависимости от конкретных условий. На практике необходимы разные формы сочетания свободного рыночного подхода с контролем над стратегическими областями и перераспределением прибыли в зависимости от национальных и социальных задач общества в целом. Таким образом, в экономике евразийство придерживается модели «третьего пути».

Либерализм — экономическое учение, утверждающее, что только максимальное освобождение рынка и приватизация всех хозяйственных инструментов создает оптимальные условия для экономического роста.

Экономика евразийства должна строиться на принципах:

- подчинения хозяйства высшей цивилизационной духовной цели; макроэкономической интеграции и разделения труда в масштабе «больших пространств» («таможенный союз»);
- создания единых финансовой, транспортной, энергетической, промышленной, информационной систем в пространстве Евразии;
- дифференцированных экономических границ с соседними «большими пространствами» и «геоэкономическими зонами»;
- стратегического контроля центра за системообразующими отраслями с параллельным максимальным освобождением хозяйственной деятельности на уровне среднего и мелкого бизнеса;
- органического сочетания форм хозяйствования (рыночных структур) с общественными, национальными и культурными традициями регионов, отсутствия единообразного экономического эталона в среднем и крупном предпринимательстве;
- максимального освобождения рынка товаров и услуг.

Евразийский взгляд на финансы

Для единого стратегического центра Евразийского Союза вопрос контроля за денежным обращением должен быть также признан стратегически важным. Ни одно платежное средство не должно претендовать на роль универсальной мировой резервной валюты. Необходимо создать собственную, имеющую хождение на всех территориях, входящих в Евразийский Союз, евразийскую резервную валюту. Никакие другие валюты в качестве резервных в Евразийском Союзе использоваться не должны.

С другой стороны, следует всячески поощрять создание местных платежных и обменных средств, имеющих хождение внутри одной или нескольких соседних автономий. Эта мера сделает неэффективной концентрацию капитала для спекулятивных целей, повысит его обращаемость. Кроме того, возрастут объемы вложений в реальный сектор экономики, причем средства будут вкладываться преимущественно там, где они были заработаны.

Сфера финансов в евразийском проекте рассматривается как инструмент реального производства и обмена, ориентированного на качественные стороны развития хозяйства. В отличие от атлантистского (глобалистского) проекта никакой автономии финансов (т.н. «финансизма») быть не должно.

Финансизм – экономический строй капиталистического общества в его постиндустриальной фазе, логический результат безграничного развития либеральных принципов в экономике. Отличается тем, что реальный сектор экономики становится вторичным по отношению к виртуальным финансовым операциям (финансовые биржи, рынки ценных бумаг, портфельные инвестиции, работа с межгосударственной задолженностью, фьючерсные сделки, произвольно оценивающие финансовые тренды и т.д.). Финансизм делает упор на монетаристском подходе, отрывая область денег (мировой резервной валюты, электронных денег) от производства.

Зональное видение многополярного мира предполагает несколько уровней валют:

- валюта геоэкономическая (денежные средства и ценные бумаги, имеющие хождение в рамках отдельной геоэкономической зоны как инструмент финансовых взаимоотношений между стратегическими центрами совокупности «больших пространств»);
- валюта «большого пространства» (денежные средства и ценные бумаги, имеющие хождение в рамках отдельного «большого пространства» — в частности, в Евразийском Союзе — как инструмент финансовых взаимоотношений между автономиями);
- валюта (иные формы менового эквивалента) уровня автономий.

В соответствии с этой схемой должны быть организованы эмиссионные и финансово-кредитные институты (банки) – зональные банки, банки «большого пространства», банки (и их аналоги) автономий.

Евразийское отношение к религии

В верности духовному наследию предков, в полноценной религиозной жизни евразийцы видят залог подлинного новаторства и гармоничного общественного развития. Атлантист принципиально отказывается

видеть все, кроме эфемерного, сиюминутного настоящего. Для него, в сущности, нет ни прошлого ни будущего.

Философия евразийства, напротив, сочетает глубокое и искреннее доверие прошлому и открытость грядущему. Евразиец приветствует как верность истокам, так и свободный творческий поиск.

Духовное развитие для евразийца является главным жизненным приоритетом, отсутствие которого не могут компенсировать никакие экономические или социальные блага.

Каждая, даже самая незначительная, локальная религиозная традиция или система верований, по мнению евразийцев, является достоянием всего человечества. Традиционные религии народов, связанное с ними духовное и культурное наследие заслуживает внимательного, бережного отношения. Структуры, представляющие традиционные религии, должны пользоваться поддержкой стратегического центра. Раскольничьи группы, экстремистским религиозным сообществам, тоталитарным сектам, проповедникам нетрадиционных вероучений и религиозных доктрин, любым силам деструктивной направленности следует оказывать противодействие.

Евразийский взгляд на национальный вопрос

Евразийцы считают, что каждый народ земли — от тех, что создали великие цивилизации, до самых малочисленных, бережно сохраняющих свои традиции — бесценен. Ассимиляция в результате внешнего воздействия, утрата языка, традиционного уклада, физическое вымирание любого из народов Земли – невосполнимая потеря для всего человечества.

Обилие народов, культур, традиций, называемое евразийцами «цветущей сложностью» — признак здорового, гармоничного развития человеческой цивилизации. Великороссы в этом отношении представляют собой уникальный случай смешения трех этнических составляющих (славянской, тюркской и финно-угорской) в единый народ, с самобытными традициями и богатой культурой. В самом факте возникновения великороссов в результате синтеза трех этнических групп содержится интеграционный потенциал исключительной ценности. Именно поэтому Россия не раз становилась ядром для соединения множества разных народов и культур в единый цивилизационный узел. Евразийцы верят, что ту же роль России суждено сыграть и в XXI веке.

Евразийцы не являются изоляционистами, так же, как не являются сторонниками ассимиляции любой ценой. Жизнь и судьба народов — это органический процесс, не терпящий искусственного вмешательства. Межэтнические, межнациональные вопросы должны решаться исходя из их внутренней логики. Каждому народу Земли должна быть предо-

ставлена свобода самостоятельно сделать свой исторический выбор. Никто не имеет права принуждать народы к отказу от своей уникальности в «общем плавильном котле», как того желают атлантисты.

Права народов для евразийцев значат не меньше, чем права человека.

Евразия как планета

Евразийство является мировоззрением, философией, геополитическим проектом, экономической теорией, духовным движением, ядром консолидации широкого спектра политических сил. Евразийству чужда догматизм, слепое следование за авторитетами и идеологиями прошлого. Евразийство — идейная платформа обитателей нового мира, для которого споры, войны, конфликты и мифы прошлого представляют лишь исторический интерес. Евразийство – принципиально новое мировоззрение для новых поколений нового тысячелетия. Евразийство черпает вдохновение в различных философских, политических и духовных учениях, которые подчас выступали в отношении друг друга как непримиримые и взаимоисключающие.

Вместе с тем, евразийство имеет определенный набор основных идейных принципов, отступать от которых не следует ни при каких обстоятельствах. Одним из важнейших принципов евразийства является последовательное, деятельное и масштабное противодействие однополярному глобалистскому проекту. Это противодействие (в отличие от чистого отрицания или консерватизма) имеет созидательный характер. Мы понимаем неизбежность определенных исторических процессов и стремимся осознать их, участвовать в них, задавая то направление, которое соответствует нашим идеалам. Можно сказать, что евразийство – это философия многополярной глобализации, призванная объединить все общества и народы земли в строительстве самобытного и оригинального мира, каждая составляющая которого органично проистекала бы из исторических традиций и местных культур.

Исторически первые евразийские теории появились среди русских мыслителей в начале XX века. Но этим идеям были созвучны духовные и философские искания всех народов земли – по меньшей мере, тех, кто осознавал ограниченность и недостаточность банальных догматов, обреченность и тупиковость расхожих интеллектуальных клише (либеральных и коммунистических), потребность выйти за привычные рамки к новым горизонтам. Сегодня мы можем придать евразийству новый, глобальный смысл, осознать как наше евразийское наследие не только труды русской школы, чаще всего отождествляющейся с этим названием, но и огромный культурный, интеллектуальный пласт всех народов земли, не попадающий строго в узкие рамки того, что совсем недавно

(в XX веке) считалось неотменимой ортодоксией (либеральной, марксистской или националистической).

В таком свершироком понимании евразийство приобретает новое небывалое значение. Теперь это не только форма национальной идеи для новой посткоммунистической России (какой она виделась отцам-основателям этого движения и современным неоевразийцам на первом этапе), но широкая программа планетарной общечеловеческой значимости, вышедшая далеко за пределы России, самого евразийского материка. Подобно тому, как понятие «американизм» сегодня может быть применено к географическим областям, находящимся далеко за пределами самого американского континента, «евразийство» означает особый цивилизационный, культурный, философский и стратегический выбор, который может быть сделан любым представителем человеческого рода, в какой бы точке планеты он ни находился и к какой бы национальной и духовной культуре ни принадлежал.

Чтобы придать такому пониманию евразийства реальное содержание, предстоит еще очень много сделать. И по мере того, как в данный проект будут включаться все новые и новые культурные, национальные, философские и религиозные пласты, само глобальное понятие евразийства будет расширяться, обогащаться, видоизменяться... Но такое смысловое развитие евразийской платформы не должно оставаться только вопросом теории – многие аспекты должны обнаружиться и осуществиться через конкретную политическую практику.

В евразийском синтезе слово немислимо без дела, а дело — без мысли. Поле духовной брани за смысл и ход истории – весь мир. Выбор своего стана – личное дело каждого. Остальное решит время. Рано или поздно, великой ценой больших свершений и драматических битв, но час Евразии пробьет.

Евразийский Союз: от идеи к практике

Солозобов Ю.М.

18 ноября 2011 г. наша евразийская интеграция шагнула на новую ступень. Подписание в московском Кремле трехсторонней Декларации о евразийской экономической интеграции стало судьбоносным событием для государств постсоветского пространства. То, о чем убежденный евразиец Нурсултан Назарбаев говорил еще 17 лет назад, свершилось. Напомним, что еще в 1994 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил идею создания Евразийского союза. [1] В тот год казахстанский лидер в стенах МГУ заявил, что странам СНГ необходимо образовать новое объединение по типу Евросоюза. Речь шла о принципиально ином союзе - равноправном, без старших и младших братьев. И как финал - о проекте полномасштабного взаимодействия без утраты политического суверенитета.

«Евразийский Союз я изначально видел как объединение государств на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности государственных границ», - писал Нурсултан Назарбаев. [2] Время доказало, что всем нам была прозорливо указана надежная и достижимая цель. Официальная формула нынешнего проекта интеграции в рамках Евразийского союза обозначает именно это: экономическую интеграцию

при сохранении политического суверенитета и гарантированной коллективной безопасности. Сегодня идея Евразийского Союза государств становится политическим мейнстримом. Она обретает конкретные очертания на постсоветском пространстве, наполняется юридическим и экономическим содержанием.

Трудный путь от СНГ к ЕАС

Но путь от хорошей идеи к практической реализации был труден и занял почти два десятилетия. Почему так получилось? Видимо, необходимо было определенное время для того, чтобы постсоветские политические элиты, вышедшие из недр провинциальной номенклатуры, насытились своей независимостью – персональными самолетами, рукопожатиями королей и красными ковровыми дорожками. И еще не хватало политической воли у руководства ряда ключевых стран СНГ.

Лишь с приходом Владимира Путина на пост президента РФ стали складываться более или менее работоспособные интеграционные структуры, такие как «зонтик» ОДКБ в военной сфере или ЕврАзЭС – в экономической. Создание ЕврАзЭС в 2000 году в формате пяти стран – Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, по сути, стало переломным моментом в практике евразийской интеграции. Всего за 11 лет в рамках ЕврАзЭС сформировалась разветвленная структура механизмов и инструментов по различным измерениям интеграционного процесса. Особо, следует отметить создание Евразийского банка развития и Антикризисного фонда, а также ряд постоянно действующих комиссий ЕврАзЭС.

Наличие постоянно действующих наднациональных органов, практически ежедневно занимающихся проблемой евразийской интеграции, – очень важный и своевременный ход. Не секрет, что первое издание Таможенного союза в 90-х гг. было недееспособно во многом из-за отсутствия наднациональных органов контроля. Еще одна очевидная помеха – долгое время наша постсоветская интеграция находилась в каком-то стихийном состоянии. У руководителей новых независимых образований, появившихся на месте бывшего СССР, отсутствовало ясное видение общей цели – куда должно двигаться постсоветское пространство. Но после распада Союза в 1991 г. большинство союзных республик не рискнули уйти в свободное плавание и вошли в состав нового образования – СНГ.

В декабре этого года СНГ исполнится 20 лет – достаточный срок, чтобы понять, оказалось ли Содружество жизнеспособным. Давайте оценим плюсы и минусы этого проекта. Во-первых, зададимся вопросом: зачем вообще был нужен «проект СНГ» бывшим братским республикам? Ответ очень прост и прагматичен. Прежде чем получить признание на международной

арене, все эти новообразованные государства должны быть взаимно признаны в рамках СНГ. Вот почему Содружество на первом этапе было всем крайне ценно и нужно. Но как только в этих государствах сменилась политическая элита, которая получила «ярлык на княжение» от мирового центра силы - Запада, интерес к СНГ с их стороны резко ослаб.

Второй момент. Наши страны долгие годы объединяла своеобразная «стратегическая триада»: единство энергетической инфраструктуры («братство трубы»), как это иногда называют), общность военной инфраструктуры и общность культурных связей, которую часто недооценивают. Советский Союз был одной из передовых держав того времени, у нас накоплено гигантское количество и документации, и технологий, и культурных достижений на общем межнациональном языке общения – русском. Эти три «кита» какое-то время держали структуру СНГ как единую организацию. Но сейчас эта остаточная связность также подошла к критическому рубежу. [3]

Локомотивы интеграции

Главный дефект СНГ обозначил Владимир Путин, который очень точно назвал Содружество «механизмом цивилизованного развода» стран, образованных на пространстве бывшего Советского Союза. [4] Но, посудите сами: развод - это логика разделения, а не объединения! Всегда важно понимать, на чем зиждется то или иное государственное объединение. Так, например, Евросоюз родился из объединительного союза «угля и стали». В его основе – логика интеграции, стратегический союз двух европейских «локомотивов» – Франции и Германии. Чтобы не делить Эльзас и Лотарингию, а вслед за ними всю старую Европу, две главные державы решили навсегда закрыть этот вопрос. Из этого маленького зародыша и вырос большой Евросоюз.

Этот поучительный опыт формирования ЕС показывает, что реальная интеграция идет лишь между странами с достаточно развитым и сопоставимым потенциалом. В СНГ (после двух десятилетий деиндустриализации) к таким странам можно отнести только Россию, Украину, Беларусь. И, разумеется, стремительно растущий Казахстан. Поэтому на начальном этапе нам не следовало стремиться к поголовному охвату всех стран СНГ в одну интеграционную рамку. На эти «грабли» мы уже наступили в 90-х гг. Куда важнее было иметь в Содружестве крепкое «ядро» интеграции, которое станет настоящим «мотором» для успешного объединения остальных национальных хозяйств. [5]

«Евразийская тройка» - Астана, Москва и Минск - объективно должна была стать таким интеграционным ядром на постсоветском пространстве. Ведь вместе эти три страны обладают почти 80% экономического

потенциала СССР. По всем мировым меркам, это будет мощное объединение - совокупный ВВП трех стран составляет почти 2 триллиона долларов. Промышленный потенциал «тройки» оценивается в 600 миллиардов долларов, объем выпуска продукции сельского хозяйства – порядка 112 миллиардов долларов, а общий потребительский рынок – более 165 миллионов человек.

Как показал опыт формирования Евросоюза, межгосударственная интеграция — процесс позитивный. Он также не противоречит политической самостоятельности каждого суверенного государства. Главное, чтобы всеми участниками интеграционного проекта одинаково четко понималась конечная цель интеграции и основные вехи на этом пути. Эта согласованность стратегических позиций и понимание общности целей внутри «евразийской тройки» стала надежным базисом для интеграционного процесса на пространстве СНГ. В последующие годы она поэтапно воплощалась в жизнь в создании целого ряда успешных межгосударственных структур – Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза Казахстана, Беларуси и России.

Таможенный союз «на троих»

В истории евразийской интеграции особо надо выделить следующий момент - подписание в 2007 г. договора о создании трехстороннего, с участием России, Казахстана и Беларуси, Таможенного союза. За короткий срок сторонами-участниками была проведена колоссальная работа. Менее чем за три года разработан и принят единый Таможенный кодекс трех стран, создан наднациональный орган – Комиссия Таможенного союза. Согласовано более 11 тысяч товарных позиций для применения унифицированного тарифа в торговле со странами вне единой таможенной территории. Безусловно, были и определенные трудности: они связаны с периодом адаптации экономических субъектов трех стран к унифицированным таможенным тарифам и импортным пошлинам. Были и еще есть отдельные нестыковки между национальными таможенными администрациями, которые методично устраняются работой Комиссии Таможенного союза во главе с талантливым экономистом С.Ю.Глазьевым. [6]

Появление Таможенного союза означает ликвидацию таможенных границ на пути движения товаров и услуг внутри таможенной территории. Разрешительные документы, например, ветеринарные для товара сельскохозяйственного происхождения, признаются компетентными органами друг друга. Проще говоря, Таможенный союз расширил до Бреста и Владивостока границы рынка сбыта для производителей всех трех стран. Это будет стимулировать экономическую активность и по-

вышать товарооборот. Только одно соглашение по выравниванию железнодорожных тарифов позволит увеличить грузооборот между нашими странами на 30 процентов.

Второй плюс - восстановление экономического пространства бывшего СССР как единого организма. Тем самым, научно-технический и производственный потенциал предприятий, выпускающих продукцию с высокой добавленной стоимостью, будет объединен. Это очень важный шаг к модернизации наших стран! И, наконец, третий плюс - большой внутренний рынок. Создание Казахстаном, РФ и Беларусью Таможенного союза открывает для зарубежных инвесторов рынок с населением в 165 млн. человек и суммарным валовым внутренним продуктом (ВВП) почти \$2 трлн. Все это реальные плюсы, прежде всего, для всех простых казахстанцев, россиян и белорусов.

Выгоды Таможенного союза

Уже сегодня очевиден позитивный макроэкономический эффект от создания Таможенного союза. Только в первом полугодии 2011 г. на треть вырос общий товарооборот трех стран. Прогнозируется, что по итогам года он достигнет уровня 100 миллиардов долларов, что на 13 % больше прошлогоднего показателя. Причем наиболее быстро растут объемы приграничной торговли между Казахстаном и Россией – более чем на 40 %. А торговые отношения между ранее не граничившими странами Белоруссии и Казахстаном имеют «взрывной рост» - белорусско-казахстанский оборот вырос в пять раз по отношению к прошлому году. И это всего за пять лет! Европейский союз же к аналогичному уровню интеграции шел 40 лет после создания объединения угля и стали.

Причины этого успеха лежат в том, что степень интеграции бывших союзных республик в отдельных направлениях до сих пор выше, чем даже ныне в ЕС. Во времена СССР те же Россия, Белоруссия и Казахстан десятилетиями развивались как единый организм с общим народнохозяйственным комплексом. Экономике бывших союзных республик взаимно дополняли друг друга, а тысячи производственных связей образовывали индустриальные цепочки с полным циклом - от сырья до готовой продукции и от фундаментальной науки до массовых товаров. Евразийская интеграция сегодня - это целенаправленная политика на воссоздание большого экономического пространства в новых рыночных условиях.

Еще одна параллель – Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС реализует задачу сходную с той, которую знаменитый экономист Фридрих Лист решал в XIX веке для Германии. Напомню, что Ф. Лист предлагал объединить разрозненные Пруссию, Германию и Австрию в большое экономическое пространство. А в результате получилось «германское

экономическое чудо». Будем надеяться, что скоро мы станем свидетелями нового «евразийского чуда». По расчетам ученых РАН, государства-участники Таможенного союза за счет интеграционного фактора получат дополнительно около 15 % прироста ВВП к 2015 г. Это предполагает активизацию сохранившегося научно-производственного потенциала, что также позволит нашим государствам выйти из сырьевой ловушки на путь инновационного развития.

Евразийский союз: стратегия будущего

Итак, Таможенный союз успешно заработал. Но тут возникает вопрос - как и куда нам двигаться дальше? Лучше всего о стратегии евразийской интеграции рассказал ее признанный идеолог – Нурсултан Назарбаев. Вот что заявил казахстанский президент на пресс-конференции после подписания Декларации о евразийской экономической интеграции: «Любая интеграционная идея заключается прежде всего в создании общей зоны торговли, потом – таможенный союз, единое экономическое пространство, потом – экономический союз с выходом на какую-то единицу в смысле валюты, а потом и на валюту. То есть это классический путь, по которому мы и движемся. Зона свободной торговли у нас была, мы Таможенный союз создали, теперь мы создаём Единое экономическое пространство. И, самое главное, нам надо это экономическое пространство запустить во всю мощь, тогда мы подойдем, естественно, к Союзу.» [7]

Президент Казахстана четко обозначил следующий важный этап евразийской интеграции – это старт с 1 января 2012 г. Единого экономического пространства (ЕЭП). Создание полноценного единого экономического пространства означает общий рынок товаров, услуг, трудовых ресурсов и капитала, что будет способствовать повышению устойчивости к изменениям мировой экономической конъюнктуры. С созданием ЕЭП будут обеспечены свободный и равный доступ сторон к транспортным и энергетическим ресурсам, национальный режим предприятиям-резидентам при участии в госзакупках, гармонизация норм антимонопольной политики, формирование институтов проведения согласованной макроэкономической политики. Опытный политик Н.А.Назарбаев сразу обратил на внимание на этот момент и предложил «выстроить общий алгоритм модернизации и инновационного развития наших стран». Прежде всего, надо согласовать промышленную и экономическую политику между наиболее продвинутыми государствами - Россией, Белоруссией и Казахстаном. [8]

Для этого страны-участники приняли 17 договоренностей, выполнение которых создаст условия для формирования Евразийского экономического сообщества. Всего, за пять предстоящих лет наднациональным

органам будут переданы 175 национальных полномочий. Прежде всего, Россия, Белоруссия и Казахстан должны будут согласовать макроэкономические показатели своих государств. Это внешний государственный долг, уровень инфляции, внутренние тарифы и так далее. Затем на практике надо обеспечить свободное передвижение и капитала, и рабочей силы. Потом «евразийская тройка» будет постепенно согласовывать позиции по естественным монополиям: сначала введут единые транспортные тарифы для железных дорог. Дальше к 2015 г. мы подойдем к единым тарифам транспортировки нефтегазовых трубопроводных систем. И вот на этом рубеже начинает в полную силу работать Единое экономическое пространство. У президентов «тройки» есть намерение форсировать движение вперед – возможно, что эти масштабные планы будут реализованы уже к концу 2013 г.

Проблемы на пути формирования ЕЭП

В этом плане эксперты видят две главные проблемы для успешного формирования ЕЭП – проведение согласованной валютной политики и обуздание appetites инфраструктурных монополий. На этом также акцентирует внимание и белорусский президент А.Лукашенко в своей ответной статье «О судьбах нашей интеграции». [9] Через всю статью проходит красная мысль: Минск хочет равного к себе отношения несмотря на экономический и политический вес стран ЕАС. Александр Лукашенко подчеркивает, что кроме формального равенства партнеров, необходимо и «равенство условий хозяйствования с равным доступом к единой энергетической и транспортной системе». Деликатно, но твердо белорусский президент затрагивает еще одну «болеву» точку нашей интеграции - вопрос создания единой валюты.

Евразийский союз – это не «либеральная империя» по версии Чубайса. Чтобы задуманный проект ЕАС воплотился, Россия должна создать равные условия хозяйствования для своих стратегических партнеров и не «давить на газ» - в прямом и переносном смысле. Избыточные преференции российским монополиям подорвут главное – доверие партнеров, равно как и принудительное введение рубля. «Сначала нам надо доказать для себя выгоду и равноправность нашего экономического пространства. После этого обязательно встанет вопрос о единой валюте» – так заявил в интервью «Интерфаксу» [10] президент Н.А.Назарбаев, - «Но я считаю, что ни одна национальная валюта, включая такую мощную, как рубль, не годится на эту роль. Это должно быть другое название, должна быть другая валюта».

Кстати, Нурсултан Назарбаев не раз уже предлагал создать общую национальную денежную единицу на паритетных началах – «евраз» или

«алтын». Валютный союз - это важный рубеж, который ставится и в статье В. Путина. Если этот трудный перевал в ЕЭП мы одолеем, то речь пойдет об интеграционном объединении, вполне сопоставимом по качеству интеграции с Евросоюзом. На мой взгляд, создание единой валюты – ключевой критерий успешности нашего интеграционного проекта. Равно как и назревшее принятие Евразийской энергетической хартии. Сейчас договоры о поставках и транзите энергоносителей из Центральной Азии имеют, как правило, форму двусторонних договоров и не учитывают комплексных реалий. Европейская энергетическая хартия, навязываемая нам ЕС, носит односторонний прозападный характер и нас явно не устраивает. [11]

Тут стоит обратить внимание на интересное выступление Нурсултана Назарбаева с трибуны ООН, который 26 сентября 2007 г. предложил принять Евразийский пакт стабильности энергопоставок. Все страны Центральной Азии и Россия выполняют несколько функций: мы одновременно поставщики, по нашей же территории транспортируется газ. Нам необходимо одновременно соблюдать условия как поставщиков, так и транзитёров и продавцов - и здесь наши интересы переплетаются. Думается, нам не следует ждать, пока коллективную повестку евразийской энергополитики за нас выработают в Брюсселе. Сегодня Москва имеет куда больше шансов и больше оснований выдвинуть свой вариант Евразийской энергетической хартии. Это было бы очень сильным ходом со стороны Москвы - предложить такую Хартию своим потенциальным партнёрам по стратегическому сотрудничеству.

Общественное измерение интеграции

Президент Н.А. Назарбаев поднял в своей статье в «Известиях» еще одну очень актуальную проблему – общенародной евразийской интеграции. «Создание Евразийского Союза возможно только на основе широкой общественной поддержки», - уверен Нурсултан Назарбаев. [2] По мнению казахстанского Лидера, наша евразийская интеграция не должна идти верхушечным, сугубо бюрократическим путем. «Интеграция – слишком важное дело, чтобы доверять его только политикам», – не раз говорил Президент Казахстана. Действительно - создать эффективный и работоспособный Евразийский союз невозможно без участия широких заинтересованных в интеграции масс. А пока у нас получается так «как всегда» - интеграция в «верхах» успешно идет, а достойной политической и медийной поддержки «внизу» пока не имеет!..

Президент Казахстана предложил создать ряд принципиально новых структур, способствующих укреплению будущего Евразийского союза. Во-первых, это Евразийская парламентская ассамблея, **то есть прообраз евразийского парламента**, в стенах которой будут вестись предметные

дискуссии о будущем нашего объединения. Нам также надо выращивать новое поколение евразийских политиков, способных действовать в интеграционной среде. Во-вторых, пора провести назревшее структурирование предпринимательской среды в интегрированном экономическом пространстве. Поэтому столь важны инициативы Нурсултана Абишевича по созданию Евразийской торгово-промышленной палаты и созыву Евразийского конгресса промышленников и предпринимателей. И, наконец, надо устранить явные диспропорции между существованием интеграционных структур на уровне государств и отсутствием таковых на уровне гражданского общества. Необходимо также укрепить и усилить идеологическое информационное поле вокруг темы евразийской интеграции.

Интеграционная миссия по созданию Евразийского Союза не будет успешной без привлекательной объединительной идеологии – без всякого сомнения, ей может быть только «новое евразийство». [12] Нам давно пора создать ряд новых влиятельных институций, открыто поддерживающих приоритеты евразийской интеграции на публично-политическом пространстве наших стран. Нужны яркие, харизматичные новые люди, которые могли бы выступить дополнительными общественными «моторами» нашей интеграции. В первую очередь, нам нужно привлечь к проекту создания Евразийского союза активных молодых людей – новое поколение, выросшее за годы Независимости. Долгосрочный проект нового Союза создается, прежде всего, для них. На мой взгляд, новый наднациональный уровень Евразийского союза должен стать мощным социальным лифтом для молодых талантов.

Место ЕАС в современном мире

Концептуальная работа российского премьера В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» /4/ стала своего рода политическим камертоном на ближайшее десятилетие и задала общие контуры нового проекта ЕАС. По мнению российского лидера, «необходимо создание Евразийского союза, который мог бы связать Азиатско-Тихоокеанский регион и Европу». Лидер Казахстана сходно определяет перспективные задачи Евразийского Союза как «мегапроекта, соизмеримого со сложными вызовами настоящего и будущего». ЕАС видится Президенту Казахстана также как «прочное звено, сцепляющее евроатлантический и азиатский ареалы развития». Это значит, очень скоро в самом центре Евразии – как раз посередине между бурно растущими экономиками Евросоюза и Китая – появится новый геэкономический центр силы - Евразийский Союз.

«Мы рассматриваем Евразийский Союз как открытый проект. Его нельзя представить без широкого взаимодействия, например, с Евросоюзом,

другими объединениями». Так говорит мировой политик Нурсултан Назарбаев, хорошо знакомый с опытом интеграции в разных частях света. С ним солидарны практики - эксперты и экономисты ЕврАзЭС, которые сегодня при формировании технических регламентов, норм и правил в рамках ТС и ЕЭП изначально закладывают передовые нормативы, действующие в Евро-союзе. В итоге, это позволит нам уже к рубежу 2015-20 гг. создать в Евразии пространство свободной торговли, ассоциированное с ЕС.

Евразийский экономический союз России, Белоруссии и Казахстана будет открыт для других стран, но наиболее вероятными претендентами на присоединение к Евразийскому союзу являются Таджикистан и Кыргызстан – об этом в интервью «Голосу России» заявил глава Министерства промышленности и торговли РФ Виктор Христенко, который возглавит Евразийскую экономическую комиссию. По словам вице-преьера Игоря Шувалова, куратора направления СНГ в федеральном правительстве, общая союзная граница будет пролегать настолько южнее, так что в границах союза оказываются 89% территории бывшего СССР. Геополитический сдвиг в Центральную Азию надежно прикроет границы ЕАС и на долгие годы надежно обеспечит новый Союз ресурсами – сырьевыми и гуманитарными.

Идеолог евразийской интеграции - президент Н.А. Назарбаев постоянно подчеркивает в своих выступлениях один важный исторический водораздел: «Никакой «реставрации» или «реинкарнации» СССР нет и не будет». Вопреки шаблонным опасениям западных наблюдателей сегодня на постсоветском пространстве речь не идет о «создании СССР-2» или о прочей политической ностальгии. Скажем прямо - союзы, основанные на ностальгии, долго не живут! Нам, гражданам России, Казахстана и Белоруссии, нужен новый прагматичный подход, нацеленный на будущее. Именно такой путь сделает наши страны конкурентоспособной частью глобальной экономики.

Если внимательно посмотреть, то после первой фазы мирового кризиса 2008-2010 гг. интеграция России, Белоруссии и Казахстана пошла ускоренными темпами: из ностальгического проекта (типа «воссоздадим СССР-2») стала насущным вопросом выживания. Почему так? Экономисты уверены, что после наступающей второй фазы кризиса мировое хозяйство распределится по крупным региональным блокам. Такие большие, почти самодостаточные экономики, как отсеки в подлодке, резко повышают вероятность выживания. И этот процесс т.н. «кластеризации» идет сегодня полным ходом. К примеру, крупнейшая в мире зона свободной торговли Китай + АСЕАН была уже создана в 2010 г. Это означает появление на планете огромного рынка с населением почти два млрд. человек. Да и процесс объединения стран Южной Америки в рамках МЕРКОСУР пошел куда быстрее...

При существующих глобальных сценариях развития у стран постсоветского пространства есть всего два пути. Первый – периферийной интеграции в Китай или ЕС. Скажем прямо, по донорским частям или на правах сырьевой провинции Китая и/или «кочегарки Европы». Второй – побороться за создание собственного центра силы в сердцеvine Евразии. И Евразийский союз – один из инструментов создания такой силы. Н.А. Назарбаев уверен, что «в экономическом плане мы можем стать мостом, соединяющим динамичные экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии». Если смотреть шире, то лидеры «евразийской тройки» сделали всем странам СНГ уникальное предложение – о создании большого экономического пространства в центре Евразии, как пространства совместного развития. Только объединение усилий, ресурсов и возможностей «осколков бывшего СССР» способно принести всем странам-соседям по СНГ серьезные политические и экономические дивиденды. Отказ от серьезной евразийской интеграции – это синоним слова «распад»!

Литература:

1. Ю.Солозобов. «Нурсултан Назарбаев – объединитель Евразии», Казахстанская правда, 5 ноября 2011 - <http://www.kazpravda.kz/c/1320457543>
2. Нурсултан Назарбаев, «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего», Известия, 25 октября 2011 - <http://www.izvestia.ru/news/504908>
3. Юрий Солозобов. СНГ: двадцать лет спустя после «Развода». Постсоветское пространство на пороге перемен. De futuro, или История будущего / Под ред. Д.А. Андреева, В.Б. Прозорова. М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008.
4. Владимир Путин, «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», Известия, 3 октября 2011 - <http://www.izvestia.ru/news/502761>
5. «От Таможенного союза к политическому». Интервью АПН директора по международным проектам Института национальной стратегии Юрия Солозобова. 27 ноября 2009 - <http://www.apn.ru/publications/print22182.htm>
6. Сергей Глазьев, «Безграничные аргументы», «Российская газета» - Федеральный выпуск №5599 (223) 6 октября 2011 - <http://www.rg.ru/2011/10/06/glaziev.html>
7. К встрече президентов России, Республики Беларусь и Казахстана, 18 ноября 2011 года. Стенограмма с официального сайта Президента России - президент.РФ
8. Стратегический план - 2020: казахстанский путь к лидерству/ Ю. Солозобов; ред. Я. Бутаков.- Астана: Деловой мир Астана, 2010. - 178 с.: ил. - (Жана Казакстан).
9. Александр Лукашенко, «О судьбах нашей интеграции», Известия, 17 октября 2011 - <http://www.izvestia.ru/news/504081>
10. Интервью Президента Казахстана Н.А. Назарбаева информационным агентствам «РИА Новости» и «Интерфакс», 22 ноября 2011 г. - http://www.akorda.kz/ru/speeches/interviews/intervyu_prezidenta_kazahstana_nanazarbaeva_informatsionnym
11. Юрий Солозобов: Россия должна разработать Евразийскую энергетическую хартию. Интервью ИА РЕГНУМ, 19 сентября 2008 - <http://www.regnum.ru/news/1057712.html>
12. Лидер глобального антиядерного движения. Лидер нации/ Ю. Солозобов; ред. Я. Бутаков.- Астана: Деловой мир Астана, 2010. - 192 с.: ил. - (Жана Казакстан).

Великая Стратегия для Евразийского Союза

Савин А.В.

Проект Евразийского Союза, который находится в зачаточном состоянии, будет нуждаться в долгосрочной стратегии, требующей как идеологического наполнения, так и институционализации новой стратегической культуры, которая должна будет преодолеть возможные этнические, национально-гражданские и религиозные противоречия, которые в предыдущие исторические этапы служили поводом для эскалации конфликтов, а с учетом новой международной ситуации могут приобрести иные формы, связанные с тактическими приоритетами властных элит и влиянием извне.

Эта стратегия обязательно должна быть Великой Стратегией, так как подразумевает не только грандиозные географические масштабы и экономические реформы государств, которые войдут в будущий союз, но и сильную реакцию со стороны конкурирующих стран или государственных блоков. При всем этом важно преодоление логики капитализма, имеющей несколько опасных тенденций, от расслоения общества по имущественному цензу и неминуемого осетевления, присущего современной капиталистической модели и процессу информатизации, до втягивания России в новые конфликты у границ ее периферии.

Во многом стратегию государственного развития связывают со стратегией национальной безопасности, хотя обе они являются элементами Великой Стратегии.

Сам термин Великой Стратегии (Grand Strategy) был предложен британским военным Бэзилем Лидделом Гартом, который, таким образом, вывел понятие войны на более высокий уровень. Роль Великой Стратегии, таким образом, «заключается в том, чтобы координировать и направлять все ресурсы страны или группы стран на достижение политической цели войны»¹. При этом военная мощь государства является всего лишь одним из средств для ослабления воли противника, наряду с дипломатическим, идеологическим, финансовым, коммерческим и другими видами давления.

Современные концепции Великой Стратегии относят ее как к военным аспектам, так и к более сложному уровню, куда входит доктрина национальной безопасности. Доктор Гарри Яргер из Института армии США по миротворческим операциям считает, что «под стратегией лучше всего понимать искусство и науку развития и применения политической, экономической, социо-психологической и военной мощи

¹ Бэзил Лиддэл Гарг. Стратегия непрямых действий. – М.: Эксмо, 2008. С. 415

Стратегическое мышление относится ко всем этим сферам. Между сферами, между окружениями, а также между сферами и их окружениями происходит взаимоотношение.

Сферы стратегии

государства в соответствии с политическим руководством для получения эффектов, которые защищают или продвигают государственные интересы в стратегическом окружении»².

А любое стратегическое окружение находится в постоянной динамике и представляет собой сложную самоорганизующуюся систему.

Если рассматривать данную проблематику с этой позиции, то у России отсутствует четкая доктрина в отношении всего комплекса стратегического окружения, угроз и вызовов, хотя отдельные попытки, которые можно отнести именно к Grand Strategy, уже предпринимались еще в конце 90-х – начале 2000-х гг. В частности, работы А.Г. Дугина по геополитике, основанные на широком междисциплинарном дискурсе и континентальном мышлении уже предлагали проект евразийской интеграции с учетом текущих трендов и прогнозов³. Другие ученые также отмечали уникальное положение и цивилизационную идентичность России, предлагая модель интеграционного моста между Европой и Азией. «Евразийская стратегия России должна носить всеобъемлющий характер, интегрируя экономические, политические и военные аспекты внутреннего и внешнего развития нашей страны», - писал С.М. Рогов⁴.

² Yarger, H. Richard. The Strategic Appraisal: the Key to Effective Strategy.// Bartholomees, J. Boone (ed.). Theory of War and Strategy. U.S. Army War College. July 2010. P. 53.

³ См. Наш путь. Стратегические перспективы развития России в XXI веке. М.: Арктогея, 1999; Дугин А.Г. Проект «Евразия». – М.: Эксмо, Яуза, 2004; Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея. – М.: Арктогея, 2002; Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1999.

⁴ Рогов С.М. Евразийская стратегия России.// Экономические стратегии, стр.51—61, ноябрь—декабрь 2001 г. <http://www.iskran.ru/russ/rogov/ecstroit1-01.html>

Эти идеи не были востребованы в конце 90-х гг. из-за умиротворения Кавказа, а позже в связи с невольной поддержкой Москвою антитеррористической коалиции под руководством США.

На данный момент различные политические и общественные силы говорят о необходимости выработки национальной стратегии России, где бы затрагивались не только вопросы обеспечения безопасности, экономического развития и других секторов, связанных с прагматическим государственностроительством, но и вопросы духовного возрождения, а также культурной и религиозной идентичности.

Номинально у нас есть инновационная стратегия, есть стратегия антикоррупционная, запущенная по инициативе президента в 2010 г., однако нет Великой Стратегии, хотя все патриотические силы едины во мнении, что Россия - великая страна. Следовательно, отсутствие такой стратегии на данный момент является нонсенсом.

Можно начать с анализа стратегии национальной безопасности Российской Федерации, и мы увидим, что ее основные положения довольно конструктивны по своему характеру, а критические элементы направлены против стран Запада. Основная задача стратегии национальной безопасности до 2020 г, принятая в 2009 г. состоит в «формировании и поддержании силами обеспечения национальной безопасности внутренних и внешних условий, благоприятных для реализации стратегических национальных приоритетов»⁵. В документе указано, что «несостоятельность существующей глобальной и региональной архитектуры, ориентированной, особенно в Евро-Атлантическом регионе, только на Организацию Североатлантического договора, а также несовершенство правовых инструментов и механизмов все больше создают угрозу обеспечению международной безопасности». Это, безусловно, является риторическим вызовом странам НАТО, где главным актором являются США.

Далее среди факторов, которые могут оказать негативное влияние на обеспечение национальных интересов Российской Федерации, от общераспространенных, таких как угроза терроризма, наркоторговли, киберпреступлений и распространения различных видов оружия массового поражения, указаны вероятные рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях, противоречия между основными участниками мировой политики.

Если мы обратимся к национальной военной стратегии США, подкорректированной в 2011 г. то увидим, что «США, стремясь к приверженности международным правилам, будут использовать военную силу в тесном взаимодействии с союзниками и партнерами во всех слу-

⁵ <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>

чаях, но оставляя за собой право действовать также самостоятельно, если это необходимо».

Следовательно, нежелание США сотрудничать с Россией по вопросам размещения систем ПРО в Европе является фактическим подтверждением юридического обоснования одностороннего силового подхода со стороны США, который может угрожать национальной безопасности России.

Далее в стратегии РФ Организация Договора о коллективной безопасности рассматривается в качестве главного межгосударственного инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера, включая борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Указано, что Россия будет способствовать укреплению Евразийского экономического сообщества в качестве ядра экономической интеграции, инструмента содействия реализации крупных водно-энергетических, инфраструктурных, промышленных и других совместных проектов, в первую очередь регионального значения.

Также для России особое значение будут иметь укрепление политического потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центрально-Азиатском регионе.

Однако, несмотря на глобальную роль России по многим вопросам (участие в Совбезе ООН, признание значения со стороны энергетического Совета США-ЕС и пр.), стратегическое мировоззрение политической элиты России продолжает явно отставать даже от региональных игроков. Если, например, Турция следует своей доктрине стратегической глубины и светского ислама, а на дипломатическом уровне использует риторику «не иметь проблем с соседями», а Китай и Индия имеют четкие векторы стратегии, в российском истеблишменте наблюдается явный дефицит мысли.

Безусловным лидером в разработке различных стратегий и релевантного анализа продолжают оставаться США. После 2004 г. благодаря усилиям различных политических лобби групп и интеллектуальных центров там появилось пять отдельных альтернативных направлений Великой Стратегии США⁶. Это:

- *Неоизоляционизм;*
- *Селективный ангажемент;*
- *Либеральный интернационализм;*
- *Первенство;*
- *Империя.*

⁶ Ross, Andrew L. What is to be Done with U.S. Predominance? Grand Strategy Choices and Challenges.// William B. Ruger. A Nation at War: Reconciling Ends and Means. Naval War College. Newport, Rhode Island. 2005 P.35-37.

Каждая из этих стратегий имеет вполне логическое обоснование с позиции определенных идеологических групп. Российское же руководство, обосновывая необходимость создания Евразийского Союза, указывает только на негативно-исторический аспект – это распад СССР, и потенциальные возможности, которые могут послужить во благо народам будущего союза. Следовательно, России и странам-партнерам по созданию Евразийского Союза, принимая во внимание разработки неоевразийской геополитической школы, необходимо выработать системный подход к региональной и глобальной стратегии в вопросах безопасности и отстаивания общих сверхнациональных интересов.

27 ноября 2011 г., выступая на съезде партии «Единая Россия», премьер-министр РФ Владимир Путин отметил, что «евразийский союз вполне отвечает требованиям сегодняшнего дня с новыми возможностями для граждан, для бизнеса, для торговли и для инвестиций, для сотрудничества в сфере культуры, науки, образования, с твердыми гарантиями стабильности, спокойствия на огромном евразийском пространстве». Остается тщательно сформулировать стратегические императивы, проанализировать существующие школы и отшлифовать стратегическую культуру, где еще могут быть противоречия, а далее имплементировать соответствующую доктрину на межгосударственный, региональный и глобальный уровень. И, в конце концов, люди с улицы должны будут мыслить геостратегически, создавая надежную опору Евразийскому Союзу.

Возможности и перспективы Евразийского Союза

Шаповалова А.А.

Вторая половина 2011 года ознаменовалась тремя событиями, имеющими немаловажное значение для экономической, а в перспективе и политической организации восточной части европейского континента. Во-первых, подписанием соглашения о зоне свободной торговли в СНГ, пусть и в неполном составе. Во-вторых, окончательным согласованием условий вступления России в ВТО. И в-третьих, выдвижением проекта создания Евразийского союза, первые шаги по воплощению которого не заставили себя долго ждать. На фоне обострения кризисных явлений в США и Евросоюзе эти первичные успехи интеграции в евразийском пространстве выглядят впечатляюще, но всё же оставляют открытыми вопросы того, способна ли интеграция как таковая преодолеть центробежные тенденции постсоветского этапа истории стран СНГ, и насколько обсуждаемые нынче формы интеграции соответствуют масштабам поставленных перед ними задач. Попробуем дать оценку уже достигнутым результатам интеграционных усилий России и её партнёров, а также обозначить условия, при которых эти усилия могут возыметь должный эффект на пространстве СНГ и в рамках европейской системы международных отношений в целом.

За прошедшие два года России удалось в рамках Таможенного союза сформировать основательную нормативную базу для полноценной экономической интеграции, на данной стадии происходит формирование необходимой институциональной базы, что позволит преобразовать пока ещё довольно аморфную комбинацию двух комплексов двусторонних отношений в целостное интеграционное объединение с наднациональным компонентом. Очевидно, предполагается, что благодаря этому трёхсторонний союз будет наделён достаточной мерой устойчивости, необратимости и консолидации, чтобы избежать участи превращения в банальную переговорную площадку или предмет взаимного торга, постигшую большинство его предшественников. Поэтому ключевая ценность идеи Евразийского союза заключается в том, что она формулирует сравнительно чёткий проект, способный стать тем общим благом, для поддержания которого его участники будут готовы идти на взаимные уступки.

Однако, помимо стимулирования консолидации в его собственных рамках, Евразийский союз призван выполнять ещё две важные функции – выступать своеобразным центростремительным ядром

или центром притяжения для других стран на пространстве СНГ, тем самым оказывая на него структурирующее влияние, и являться альтернативным полюсом европейской континентальной системы, способствуя сбалансированию её структурной конфигурации. Это означает, что Евразийский союз важен не только как инструмент обеспечения внутренней консолидации, но и как генератор структурных эффектов для внешнего его окружения.

До некоторой степени эти функции взаимосвязаны – чем большего уровня внутренней сплочённости удастся добиться данному объединению, тем более весомой будет его способность генерировать внешние импульсы. Но для того, чтобы эти импульсы принесли желаемые плоды, они должны опираться на более широкую идеологическую и политическую платформу и, что наиболее важно, стимулировать распространение и укрепление кооперативных форм взаимодействия как в своём непосредственном соседстве, так и на европейском континенте в целом. Иными словами, Евразийский союз не может представлять собой замкнутое, «интровертное», ориентированное вовнутрь объединение, для которого поддержание внутренней консолидации является самоцелью, потому что в этом случае он будет способствовать лишь фиксации и усугублению существующих геополитических разломов. В то время, как первостепенная задача России и её партнёров заключается в преодолении пагубной ситуации, когда структурные параметры организации пространства СНГ задаются глубоко укоренившимися противоречиями и конфликтами, которые всё чаще проецируются на структуру европейской системы, осложняя становление кооперативных механизмов континентального уровня (одним из наиболее ярких примеров чего является саммит ОБСЕ в Астане в декабре 2010 года).

На данном этапе однозначных признаков того, что Евразийский союз будет приспособлен к выполнению этой задачи, немного. Характер процессов, которые до недавних пор происходили в рамках Таможенного союза, указывает скорее на стремление участников закрепить в более когерентной конструкции результаты, достигнутые на двустороннем уровне, нежели на твёрдую нацеленность произвести качественные политические изменения в более широком масштабе. И хотя в Декларации о евразийской экономической интеграции среди направлений дальнейшего взаимодействия упоминается развитие сотрудничества в сфере внешней политики по вопросам, представляющим взаимный интерес, ни цели, ни механизмы подобного сотрудничества там не указаны. До некоторой степени это объясняется тем, что Евразийский союз проектируется как интеграционное, а не политическое объединение, но опыт предыдущих интеграционных инициатив на пространстве СНГ гово-

рит о том, что без полноценной политической составляющей, без целенаправленной конвергенции политических, причём в первую очередь внешнеполитических, интересов, задач и ориентиров его участников, прогресс в экономической плоскости всегда остаётся незавершённым и ограниченным.

В этой связи вызывает сомнение целесообразность заявленного использования модели интеграции в Европейском союзе как образца для построения интеграционного объединения на пространстве СНГ. С одной стороны, задействование наднациональных механизмов по аналогии с Евросоюзом позволяет России, как в своё время Германии, обеспечить ситуацию, при которой усиление её экономических позиций не будет восприниматься ближайшими соседями как угроза и создаст возможности для сравнительно беспроblemного расширения её экономического присутствия. Но с другой стороны, надо отдать должное, что становление евроинтеграционных процессов происходило в условиях, когда эпицентр политических противоречий находился на более высоком общесистемном уровне, а интеграция выглядела логическим продолжением консолидации западного блока. Это явно не соответствует нынешнему положению вещей в восточной части Европы – здесь интеграция не просто нуждается в политической оболочке, а непосредственно выполняет политические функции, что требует формирования наряду с экономическим фундаментом соответствующей политической платформы.

Очевидно, что расчёт делается на то, что успех экономической интеграции в сочетании с сохранением существенной, а в некоторых случаях критической, зависимости других стран СНГ от доступа на рынок стран Евразийского союза сам по себе сможет стимулировать эти страны к сближению с данным объединением. Однако, нужно учитывать, что за прошедшие два десятилетия произошла значительная диверсификация экономических связей сопредельных государств, что серьёзно усложняет поставленную задачу.

Наиболее иллюстративным в этом плане является пример Украины, которая до сих пор воздерживается от неоднократно предлагаемого участия в данном проекте, и экономическая логика выступает отнюдь не единственным мотивом подобной позиции.

Для Украины формирование Таможенного союза действительно несло в себе риск ограничения доступа на рынок стран-участниц, но его пока что удалось частично нейтрализовать благодаря созданию зоны свободной торговли СНГ. Если добавить к этому фактор вступления России в ВТО, то вырисовывается тенденция к постепенному переводению торгово-экономического аспекта украинско-российских

отношений на нормативную основу и снижению его зависимости от двустороннего политического контекста, что нельзя не приветствовать. Но параллельно с этим происходит сужение возможностей для налаживания реального политического партнёрства между двумя государствами. Поскольку Украина даже после прихода к власти новой команды так и не смогла выдвинуть жизнеспособной альтернативной основы такого политического партнёрства, Россия настаивает на том, что только полноценное присоединение Украины к Таможенному / Евразийскому союзу может гарантировать бесконфликтное развитие двусторонних отношений, что выглядит как политическое давление при дефиците практических стимулов.

И хотя мотивация российского руководства в целом понятна, эффективность тактики превращения вопроса участия в Таможенном союзе в обязательное условие прогресса на остальных направлениях сотрудничества выглядит неоднозначно, главным образом потому, что не учитывает сложившихся на Украине и вокруг Украины политических реалий. Постановка вопроса в подобной плоскости чревата дальнейшими осложнениями двустороннего диалога, предотвратить которые можно лишь путём акцентирования политических преимуществ, которые может получить Украина от укрепления солидарности с Россией в двустороннем и многостороннем форматах, при одновременной выработке приемлемых частичных форм привлечения Украины к работе в рамках Таможенного / Евразийского союза.

И в этом случае опять-таки решающую роль будет играть фактор замкнутости и статичности предлагаемого объединения – чем более замкнутым и закрытым будет Евразийский союз, тем с большей вероятностью он будет восприниматься как инструмент закрепления геополитического дуализма европейского континента, чего Украине и другим странам Восточной Европы жизненно необходимо избежать. Понятно, что при стремлении придать Евразийскому союзу качества альтернативного полюса европейской системы избежать некоторого усиления данного дуализма вряд ли получится, но если этот процесс будет способствовать реальному сбалансированию структуры взаимосвязей на континенте на кооперативной основе, то его эффект и восприятие, несомненно, будут гораздо более положительными.

В практическом плане этот процесс предполагает формирование альтернативного «нормативного поля», позволяющего вести речь в диалоге с Евросоюзом о гармонизации нормативных систем, а не об их односторонней проекции, как это происходит до сих пор. Поскольку именно совместимость нормативных систем рассматривается Западом как необходимое условие политического сближения, России крайне важно

устранить хроническое давление этого фактора, используемого Западом в целом и Евросоюзом в частности как предлог для ухода от обсуждения даже гипотетической возможности перехода к качественно иным кооперативным формам взаимодействия с Россией и другими странами СНГ. Поэтому гармонизация регуляторных норм в рамках Евразийского союза должна рассматриваться как движение к взаимной конвергенции, а не очередной шаг к нормативной конкуренции, при которой влияние России в Восточной Европе будет под серьёзной угрозой.

В итоге, можно сделать вывод, что проект Евразийского союза представляет серьёзный шаг вперёд в интеграционной политике России на пространстве СНГ, однако его способность сформировать новую систему координат для СНГ и Европы в целом и стать движущей силой для кристаллизации новой, более сбалансированной и стабильной структуры европейской системы пока не очевидна. Она будет зависеть, во-первых, от успеха его базовой экономической составляющей, во-вторых, от меры политической консолидации его участников, в-третьих, от интенсивности его кооперативного импульса, способного возобладать над конфликтной структурой пространства СНГ, и, в-четвёртых, от его восприятия в качестве инструмента консолидации политической организации европейского континента в противовес «разделительным» конфронтационным тенденциям.

Россия: восстановление империи по возможности

Лорен Гудрич

Отношения между США и Россией, кажется, были относительно спокойными в последнее время, хотя в Вашингтоне есть множество противоречивых взглядов об истинном характере современной внешней политики России. Также есть и сомнения насчет искренности Государственного департамента США по поводу так называемой "перезагрузки" отношений с Россией – этот термин начал употребляться в 2009 г., когда государственный секретарь США Хиллари Клинтон передала кнопку перезагрузки (reset) своему русскому коллеге в качестве символа моратория на эскалацию напряженности между Москвой и Вашингтоном. Проблема состоит в том, является ли «перезагрузка» реальным сдвигом в отношениях между двумя бывшими противниками или просто предыдущей перед тем, как отношения вновь ухудшатся.

Перезагрузка на самом деле имела мало общего с Соединенными Штатами, желающими видеть Россию в качестве друга и союзника. Скорее всего, Вашингтон хотел создать условия для управления другими ситуациями - в основном в Афганистане и Иране - и просить Россию о помощи (Россия уже оказывает помощь в транспортировке грузов в Афганистан и отказалась от поддержки Ирану). Между тем, Россия также хотела бы и изменить условия, чтобы создать систему, которая помогла бы ей создать новую версию своей старой империи.

Конечный план России состоит в том, чтобы восстановить контроль над большей частью своих бывших территорий. Это неизбежно опять приведет Москву и Вашингтон в противостояние, что поставит крест на так называемой перезагрузке, так как русское могущество на всей территории Евразии является прямой угрозой способности США сохранить свое влияние в мире. Так Россия действовала на протяжении всей истории для того, чтобы выжить. Советский Союз действовал в том же русле, что и большинство имперских режимов до него, и Россия сегодня следует той же модели поведения.

География имперостроительства

Определяющей географической характеристикой России является ее незащищенность, а значит, ее главная стратегия заключается в создании для себя безопасности. В отличие от большинства могущественных стран, центральный регион России, Московия, не имеет никаких препятствий

для ее защиты, и таким образом она была захвачена несколько раз. Из-за этого на протяжении всей истории Россия расширяла свои географические границы для того, чтобы установить редут и создать стратегическую глубину между русским ядром и множеством окружающих ее врагов. Это означает расширение до естественных преград Карпатских (Украина и Молдова) и Кавказских гор (в особенности, для Малого Кавказа, в прошлом в Грузии и Армении) и Тянь-Шаня на дальней стороне Центральной Азии. Одной географической дырой является Восточно-Европейская равнина, где Россия исторически устанавливает для себя столько территории, сколько было возможно (например, страны Балтии, Беларусь, Польша и даже некоторые части Германии). Короче говоря, для того, чтобы Россия была в безопасности, она должна создать некий тип империи.

С созданием империи связано две проблемы: люди и экономика. Из-за того, что они абсорбируют довольно много территорий, Российские империи столкнулись с трудностями обеспечения огромного количества людей и подавления несогласных (особенно тех, кто не были этническими русскими). Это приводит к изначально слабой экономике, которая никогда не сможет преодолеть инфраструктурные проблемы обеспечения для населения огромной империи. Однако, несмотря на свои экономические недостатки, это никогда не удерживало Россию от притязания на статус могущественной силы в течение длительного периода времени, потому что Россия часто акцентирует значение своего сильного военного аппарата и служб безопасности, чем (а иногда и в ущерб) экономическое развитие.

Поддержание сильного государства

Российская власть должна быть измерена с точки зрения государственной мощи и способности управлять людьми. Это не то же самое, что популярность правительства России (хотя популярность бывшего президента и нынешнего премьер-министра Владимира Путина нельзя отрицать), это способность руководства России, будь то царь, Коммунистическая партия или премьер-министр, сохранить жесткий контроль над обществом и обеспечить безопасность. Это позволяет Москве брать ресурсы из народного потребления для государственной безопасности и подавления сопротивления. Если правительство имеет жесткий контроль над людьми, народное недовольство политикой, социальной политикой или экономикой не представляют угрозу для государства – по крайней мере, не в краткосрочной перспективе.

Это случается тогда, когда российские лидеры теряют контроль над аппаратом безопасности, что приводит к падению режимов. Например, когда царь потерял контроль над армией во время Второй

мировой войны, он потерял власть, а Российская империя распалась. При Иосифе Сталине отмечалась массовая экономическая дисфункция и массовое недовольство, но Сталин сохранил жесткий контроль над службой безопасности и армией, которые он использовал, чтобы иметь дело с любыми намеками на инакомыслие. Экономическая слабость и жесткий режим в конечном итоге были приняты в качестве неизбежной цены за безопасность стратегическое могущество.

Москва использует ту же логику и стратегию сегодня. Когда Путин пришел к власти в 1999 г., русское государство было разбито и уязвимо для других мировых держав. Для того, чтобы восстановить стабильность в России - и в конечном итоге свое место на мировой арене - Путин должен был сначала консолидировать власть Кремля внутри страны, что означало укрепление страны в экономическом, политическом и социальном плане. Это произошло после того, как Путин реорганизовал и укрепил службы безопасности, что дало ему большие возможности для доминирования над людьми, объединенных под одной политической партией, а также очистить страну от иностранного влияния в экономике и создать культ личности среди народа.

Затем Путин положил глаз на русскую империю для того, чтобы обеспечить будущее страны. Это был выбор не лично Путина, а национальных проблем безопасности, связанных с вековым историческим прецедентом.

Путин видел, как США посягают на территории России, которые считаются необходимыми для ее выживания: Вашингтон помог большинству государств Центральной Европы и бывших советских стран Балтии вступить в НАТО и Европейский Союз; поддерживал прозападные «цветные революции» в Украине, Грузии и Кыргызстане; создавал военные базы в Центральной Азии, а также объявил о планах размещения баллистических установок ПРО в Центральной Европе. Для России казалось, что США пожирали ее периферию для того, чтобы Москва навсегда осталась уязвимой.

За последние шесть лет Россия в какой-то степени снизила западное влияние в большинстве бывших советских республик. Одна из причин такого успеха состоит в том, что Соединенные Штаты были заняты другими вопросами, в основном в странах Ближнего Востока и Южной Азии. Более того, Вашингтон ввел себя заблуждение, полагая, что Россия не будет официально пытаться воссоздать нечто вроде империи. Но, как мы видели на протяжении всей истории, она должна это сделать.

Планы Путина

Путин объявил в сентябре, что он будет стремиться опять занять президентский пост в России в 2012 г., и он начал с изложения своих целей для нового царствования. Он заявил, что Россия должна форма-

лизовать свои отношения с бывшими советскими государствами, создавая Евразийский Союз (ЕАС); другие бывшие советские республики предлагали эту концепцию почти десять лет назад, но Россия именно сейчас находится в таком положении, в котором она может приступить к осуществлению этого проекта. Россия начнет эту новую интеграцию русской империи, создав союз с бывшими советскими республиками на основе текущих ассоциаций Москвы, таких как Таможенный Союз, Союзное Государство и Организация Договора о Коллективной Безопасности. Это позволит ЕАС стратегически охватить как экономическую сферу, так и сферу безопасности.

Предстоящий ЕАС не будет являться воссозданием Советского Союза. Путин понимает, какие уязвимости ожидают Россию, если она понесет бремя экономической и стратегической заботы о таком количестве людей на территории почти девяти миллионов квадратных километров. Попытки прямого контроля были одним из самых слабых мест Советского Союза. Вместо этого Путин создает союз, в котором Москва будет влиять на внешнюю политику и безопасность, но не будет нести ответственность за большую часть внутренних дел в каждой стране. Россия просто не имеет средств на то, чтобы поддерживать такие интенсивные стратегии. Москва не считает необходимым разбираться в киргизском политическом театре или экономически поддерживать Украину для того, чтобы контролировать эти страны.

Кремль намерен полностью сформировать ЕАС к 2015 г., когда, по мнению России, Соединенные Штаты снова перенесут свое внимание на Евразию. Вашингтон в этом году занят своими обязательствами в Ираке и намеревается положить конец боевым действиям и значительно сократить свой контингент в Афганистане, так что к 2015 году Соединенные Штаты будут иметь запас военного и дипломатического внимания. Это также тот же период времени, за который будет установлена система противоракетной обороны США в Центральной Европе. Для России это сводится к формированию фронта США и их сателлитов в Центральной Европе у постсоветских (и будущих ЕАС) границ. Это создание новой версии русской империи, в сочетании с консолидацией влияния США на периферии империи, скорее всего, вызовет новые военные действия между Москвой и Вашингтоном.

Это могло бы подготовить почву для новой версии холодной войны, хотя она не будет столь долгоживущей, как предыдущая. Другой причиной Путина по восстановлению русской империи является то, что он знает, что следующий кризис, скорее всего, так повлияет на Россию, что она не сможет вновь возродиться: Россия умирает. Демографические показатели страны являются одними из худших в мире,

неуклонно снижаясь со времен Первой мировой войны. Рождаемость в стране значительно ниже смертности, и сейчас уже там больше граждан за 50 лет, чем подросткового возраста. Россия может быть крупной державой без крепкой экономики, но ни одна страна не может быть мировой державой без людей. Вот почему Путин пытается укрепить и обезопасить Россию в настоящее время, прежде чем ее ослабит демография. Однако, даже принимая во внимание демографические показатели, Россия будет в состоянии поддерживать свой нынешний рост у власти в течение, по крайней мере, еще одного поколения. Это означает, что ближайшие несколько лет, вероятно, будут последним великим моментом для России, который будет отмечен возвращением страны в качестве региональной империи и новой конфронтацией с ее старым противником, Соединенными Штатами Америки.

Камо грядеши, Россия?

(Оборонный аспект в деле формирования Евразийского союза)

Матвиенко Ю.А.

Когда-то Бенджамин Франклин сказал, что «большая империя, как и большой пирог, начинает крошиться с краёв». Печальный опыт Российской Империи и СССР яркое тому свидетельство. Тем не менее, перефразируя видного американского политика и учёного-физика, можно сказать, что и собирается большая империя, как и разлившаяся ртуть, тоже с краёв: крошечные капельки разлетевшегося во все стороны от сильного внешнего воздействия жидкого металла начинают собираться вокруг самой крупной капли, постепенно сливаясь в одну большую массу, практически полностью восстанавливая былые вес и объём.

Подтверждением появлению в геополитическом пространстве России подобных центростремительных тенденций является недавнее предложение главы российского правительства о создании Единого экономического пространства (ЕЭП), основа которого была заложена Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана [1]. При этом строительство Таможенного союза и Единого экономического пространства закладывают основу для выхода на следующий, более высокий уровень интеграции, - формирование в перспективе Евразийского экономического союза. Одновременно предполагается вести работу в направлении постепенного расширения круга участников Таможенного союза и ЕЭП: на первом этапе за счет полноценного подключения к работе Киргизии и Таджикистана.

«Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом... Евразийский союз — это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества», – пишет в своей статье в газете «Известия» В.В. Путин [1].

Вместе с тем, начатая нашей страной внятная и долговременная политика по созданию Евразийского экономического пространства и Евразийского экономического союза вызывает в мире, в первую очередь на Западе, далеко не однозначную реакцию. Это связано с тем, что большинство стран Западной Европы и США за последние двадцать лет привыкли видеть в России по меткому выражению Збигнева Бжезинского

«скорее пациента, чем партнёра». Вместо одного из политических полюсов мира Запад хотел бы по-прежнему видеть в России только территорию, кладовую ресурсов.

Тем не менее, мир не стоит на месте и геополитическая ситуация в силу целого ряда причин начала меняться.

В частности, российские и зарубежные аналитики связывают изменение политической обстановки в мире с происходящим в последнее время процессом коренного переустройства всей системы международных отношений, что затрагивает основы сформировавшейся в конце XX века системы глобальной безопасности [3-5,9,10]. Этот процесс характеризуется, с одной стороны, углублением международной интеграции, формированием глобального экономического, экологического и информационного пространств, а с другой – обострением соперничества мировых и региональных экономических и военно-политических центров за расширение сфер влияния, в том числе на постсоветском пространстве [5].

В этих условиях заявление России о создании совместно с Беларуссией и Казахстаном ядра будущего Евразийского союза становится толчком к новому витку борьбы за «душу Земли», за так называемый Heartland [2]. Поэтому при проработке различных аспектов создания и развития Евразийского экономического союза необходимо помнить следующее.

Несмотря на все успехи международной дипломатии по сохранению мира, снижение угрозы развязывания крупномасштабной ядерной войны со стороны США и «перезагрузку» отношений между Америкой и Россией, в начале XXI в., как и во все предыдущие века, в основе политики обеспечения национальной безопасности практически всех государств и союзов лежит опора на военную силу и потенциал вооружённых сил. В реальной политике по-прежнему актуален «принцип Аль Капоне», согласно которому «с помощью доброго слова и револьвера можно добиться гораздо большего, чем с помощью одного только доброго слова».

В частности, в национальной военной стратегии даже такого наиболее экономически развитого и «демократичного» государства как США, американское руководство, тем не менее, рассматривает свои вооружённые силы в качестве самого важного, а зачастую и основного средства обеспечения национальных интересов страны [24].

Исходя из этого, с большой долей уверенности можно сказать, что будущий Евразийский экономический союз столкнётся, в том числе, и с силовым противодействием со стороны ряда ключевых игроков на «Великой шахматной доске», как назвал Евразию американский политик и политолог,

Страны ШОС

известный русофоб Збигнев Бжезинский [10]. Поэтому уже на этапе формирования геополитического контура Евразийского экономического союза следует обратить внимание и на его оборонительную составляющую.

Для начала представляется целесообразным провести анализ возможных вызовов и угроз военного характера, с которыми может столкнуться новое политико-географическое образование, а также форм и методов силового противодействия Евразийскому экономическому союзу. Об этом и пойдёт речь ниже. При этом следует отметить, что статья носит обзорный характер и отдельные положения рассматриваемой тематики лишь обозначены авторами без их детального раскрытия.

В своём фундаментальном труде «О войне» прусский генерал Карл фон Клаузевиц писал: «Самое первое, самое главное и самое важное в смысле последствий решение, которое должен принять государственный деятель и командир, - это определить тип войны, в которую он погружается ...».

На другом конце Евразии об этом же писал в своём труде «Искусство войны» не менее ныне знаменитый древнекитайский стратег и военный теоретик Сунь Цзы: «Тот, кто знает врага и знает себя, не окажется в опасности и в ста сражениях. Тот, кто не знает врага, но знает себя, будет

то побеждать, то проигрывать. Тот, кто не знает ни врага, ни себя, неизбежно будет разбит в каждом сражении».

Вот и нам следует понять, в мир каких войн мы вступаем и с каким противником можем столкнуться, начиная воплощать в жизнь идею Евразийского экономического союза. Поэтому обратимся вначале к науке о войне – полемологии.

Видный русский военный теоретик генерал-лейтенант российской Императорской армии Н.Н. Головин в своей книге «Наука о войне. О социологическом изучении войны», изданной в эмиграции в 1938г., писал: «В военной науке столько науки, сколько в ней социологии». В самой же социологии ключевыми являются понятия социальной роли, социальной справедливости и социального прогресса. Так, с точки зрения социологии, в качестве необходимого условия возникновения войны выступает фактор справедливости. Под ним понимается «невозможность мирного сотрудничества субъектов социальных отношений в прежних ролях в связи с настоятельной необходимостью общественного прогресса».

В соответствии с социологической теорией ролей, любой субъект (личность, организация, страна) может быть описан посредством усвоенных и принятых им или вынужденно выполняемых социальных функций и образцов поведения – так называемых ролей, вытекающих из его социального статуса в данном обществе в данное время. При этом в любом человеческом деле можно выделить три формальные роли или функции: обеспечение, управление и исполнение. Обеспечение даёт средства, управление – цели, а исполнение приводит к результату. В процессе войн как раз и происходило перераспределение ролей: обеспечения, управления и исполнения. Поэтому с позиций социологии основной целью любой войны является не просто уничтожение противника как такового, а силовое перераспределение ролевых функций стран или социальных групп внутри страны, если иметь в виду войну гражданскую.

В заявлении главы правительства РФ была озвучена новая роль, на которую претендует Россия и её партнёры по Евразийскому союзу – роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом, своеобразного «моста культур».

США, напротив, всеми силами пытаются сохранить свою нынешнюю роль – единственной сверхдержавы в монополярном мире [10, 28, 30]. Вместе с тем, бремя лидера однополярного мира США не выдержали. Мир не увидел в них страну, «которую не боятся, а уважают». Доминирования во всём спектре отношений не получилось. Америкоцентричная модель политического устройства мира дала сбой, что породило, как и предсказывал Бжезинский, «всемирную реакцию в виде идеологии антиамериканизма». «Пятнадцать лет спустя после своей

коронации в глобальные лидеры Америка становится одинокой, внушающей страх демократией в политически враждебном ей мире» [28]. Попыткой возвращения былого американского величия является разработка Вашингтонскими политиками доктрины «восстановления» (*restoration*), согласно которой «внешняя политика США должна базироваться на восстановлении силы страны и пополнения ее ресурсов – экономических, человеческих и материальных».

Вместе с тем, по оценкам стратегов из Пентагона, изложенных в обновлённой «Национальной военной стратегии США» «главная глобальная тенденция последних лет – быстрое превращение Азии в новый центр мира. Вслед за стремительным ростом экономических показателей стран этой части света увеличиваются и их военные возможности». Америка же уже не может позволить себе «воевать в долг».

В то же время, если посмотреть на политическую карту Азии (с поправкой на мартовское 2011 г. землетрясение в Японии), то из всех стран Азиатско-Тихоокеанского региона особое место в современном мире занимает Китай, вышедший, несмотря на кризис, по многим макроэкономическим показателям на второе после США место в мировой экономике. А стремительный рост экономической и как прямое следствие – военной мощи Поднебесной означает, что необходимые ей природные богатства и территории она не прочь брать силой, о чем в Пекине заговорили уже практически открыто на достаточно высоком уровне [15]. Виной тому – бурный рост экономики Поднебесной: дело не в какой-то особой агрессивности Китая, а в том, что экспансия для него – вопрос выживания его экстенсивной модели экономики. Как говорят сами китайцы: «Тигр ест людей не потому, что он злой, а потому, что голоден».

После геополитической рассмотрим более подробно военную составляющую в стратегии ведущих зарубежных стран.

На Западных рубежах России противостоят оснащённые современным оружием и боевой техникой небольшие армии европейских государств, способные вести сколь-нибудь масштабные боевые действия только в рамках блока НАТО. Моральный и боевой дух европейских армий невысок, если судить по участию их представителей в войнах в Афганистане и Ираке.

На южных рубежах страны находятся вооружённые формирования стран, в основном исповедующих ислам. У этих армий нет в большом количестве современного мощного вооружения и боевой техники, но благодаря религиозным убеждениям эти армии имеют сильную сплочённость, высокий боевой дух и способны вести затяжные боевые действия партизанского типа – так называемую «мятежевойну», - с самыми современными армиями мира.

На Дальнем Востоке России противостоит Китай, имеющий колоссальные людские ресурсы и активно ведущий перевооружение своей армии на новые средства ведения крупномасштабной войны, вплоть до применения ядерного оружия. Активно осваивает китайская армия и новые формы и методы ведения войны – психологические и информационные операции, управление войсками на основе сетецентрической модели боевых действий, кибернетические атаки.

В ряде зарубежных стран началась активная подготовка войск к ведению боевых действий в Арктике.

В то же время в рамках проводимых в армиях ведущих зарубежных государств трансформаций в военной сфере признается, что войны в XXI веке не являются исключительно прерогативой военных, а победа в них не может быть достигнута только военными средствами [24]. Задачей современной войны является не уничтожение хозяйственной и военной инфраструктур противника, а завладение его ресурсами для последующего их использования победителем.

В настоящее время благодаря развитию информационных технологий и достижениям в области психологии, в первую очередь психологии массовых коммуникаций, разработан достаточно большой арсенал способов, методов и средств организации различных видов противоборства. Здесь и технологии «цветных революций» [13,14], и внедрение в правительства стран-конкурентов в качестве советников так называемых «экономических убийц» [20,23], и организация различного рода негативных PR-кампаний в информационном пространстве и деструктивных информационных атак в виртуальном пространстве [6,19,21,22], и ведение дистанционных, бесконтактных военных действий в пространстве физическом на основе «сетецентричной» модели управления войсками и оружием [3,5,12,17], и новые формы асимметричных действий на основе партизанской борьбы и террористической деятельности [8,16,25], и технологии информационно-психологической войны и её высшей формы - «концентриальной» войны или войны смыслов [7, 24, 26].

Всё это меняет характер будущих войн, главной особенностью которых является отсутствие необходимости в массовом применении войск на поле боя. Их призваны заменить аэромобильные части и силы специальных операций, обеспечивающие достижение и закрепление политических целей войны после нанесения ущерба критически важным объектам военной, экономической и политической инфраструктур государства обычными высокоточными средствами поражения или кибернетическим оружием [5,24]. К таким выводам пришли как военные теоретики США и НАТО, так и специалисты армий южного пояса Евразии, в первую очередь Китая и Индии.

В частности, в ходе войн в Югославии и Ираке американское военное командование уже опробовало новую доктрину ведения боевых действий с воздействием по центрам, контролирующим его экономику, промышленное производство и транспорт [4]. В этой доктрине использовалась теория Джона Бойда о действиях на опережение противника в области принятия и проведения им в жизнь решений на применение вооружённых сил (так называемый цикл НОРД – «наблюдение-ориентация-решение-действие») [12]. Согласно этой теории одним из необходимых условий достижения успеха являются действия по разрушению командных пунктов противника всех уровней управления и линий связи с одновременной деморализацией войск и населения противника за счёт проведения психологических операций.

Ещё в 2001г. в стратегической доктрине США FM-1 «The Army», а также в боевом уставе действий FM-5 «Operations» были практически сформулированы положения теории «войны в трёх кварталах», согласно которой в то время, пока в одном квартале войска ведут активные наступательные боевые действия, во втором они осуществляют «защитку» территории, закрепляя успех, а в третьем квартале уже раздают гуманитарную помощь [4].

Следует признать, что в последнее время всё чаще привычные формы ведения войны с применением огневых средств поражения на театрах военных действий заменяет война информационно-психологическая с применением в основном оружия информационного, а в недалёком будущем – и кибернетического [6]. Её основной задачей является уменьшение «цены» грядущего вооружённого противоборства за новые роли, в том числе, на просторах Евразии путём уничтожения определённых типов сознания. При этом носители этих сознаний, наоборот, могут быть сохранены, если они откажутся от форм сознания – предметов разрушения и поражения.

Необходимо отметить, что в вопросах, связанных с информационными технологиями, в американской внешней политике силовой (военный) аспект становится всё более приоритетным. Так, в Минобороны США создано специальное «кибернетическое командование». Для этого ведомства принят основополагающий документ - «Стратегия Минобороны по операциям в киберпространстве» (DoD Strategy for Operating in Cyberspace), - согласно которому киберпространство объявлено такой же «обычной средой деятельности ВС США, как суша, море или воздушное пространство». Данный документ также предполагает, что в ответ на реальные или виртуальные угрозы и вызовы США готовы использовать любые средства – дипломатические, экономические, кибернетические и чисто военные.

Одной из форм борьбы, активно практикуемой в последнее время США и их союзниками для достижения своих интересов, является концепция нацеленности на конечный результат или эффект – «Effects-Based Approach to joint Operations» [5, 12]. Данный тип операций не является новым классом военных операций, а представляет собой интегрированное применение всего арсенала государственных, экономических, военных и дипломатических средств и процедур по отношению к противоборствующей стороне при обеспечении тесного взаимодействия с государствами-союзниками. Впервые эта концепция была применена в 1999г. в отношении суверенной Югославии. Тогда комплексное применение политических, дипломатических и экономических мер, в сочетании с действиями международных неправительственных организаций на фоне ракетных и бомбовых ударов авиации стран НАТО в условиях широкого проведения информационно-психологических операций принудило президента Милошевича подписать Дейтонское соглашение и в конечном итоге привело к распаду СФРЮ [4].

Дальнейшее развитие концепция «Операция на основе эффектов» получила в ходе военной агрессии США и их союзников по НАТО в Афганистан и Ирак. При этом для достижения своих конечных целей в Ираке США дополнительно использовали и такой экономический рычаг как откровенный подкуп военной верхушки армии Ирака и части окружения Саддама Хусейна, проведя специальную операцию накануне вторжения.

Что касается непосредственно России, то и США вместе с НАТО, и Китай вынуждены считаться с ней, пока у страны есть мощные стратегические ядерные силы (СЯС) и большие запасы тактического ядерного оружия (ТЯО). По нашему мнению на сегодняшний день «разрушает замыслы противника» о главенстве в Евразии два фактора – высокая боеготовность и надёжность СЯС России и ст. 22 её военной доктрины 2010г., в которой чётко говорится, что «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против РФ с применением обычного оружия, когда под угрозой поставлено само существование государства».

Эти факторы могут оказать самое существенное влияние на формирование Евразийского экономического союза: под российский ядерный зонтик могут встать как раз те страны региона, которые ощутили на себе всю жёсткость объятий заокеанских и китайских «друзей», и которые не хотят терять свою идентичность на политической карте мира [2].

При формировании нового экономического союза необходимо помнить, что теория борьбы условных информационных определяет в качестве одного из базовых состояний геополитическую ситуацию «объединение

слабых вокруг сильного». Применительно к рассматриваемому вопросу это может быть объединение сырьевых стран Евразии вокруг России. Для развитых же стран, в первую очередь США, такое развитие событий – крах всего выстраиваемого ими миропорядка. По нашему мнению недопущение данного состояния – это концептуальная основа всей международной политики западного мира в отношении РФ и её союзников.

Руководство Поднебесной в складывающейся обстановке вокруг России и её инициатив в Евразии вынуждено пока вести себя согласно стратегемы «Красавица»: «Если войско могучее, нападай на его командира. Если командир мудр, воздействуй на его чувства. Когда его воинский дух ослабнет, сила войска растает сама». В русле этой политики руководство Китая за спиной России активизировало свои дипломатические отношения с Америкой, подписав во время визита в Вашингтон в январе 2011 г. соглашение между КНР и США «О взаимном признании интересов сторон», фактически снова поделив мир.

Вот вкратце та геополитическая атмосфера, в которой Россия решила изменить свою роль, и те угрозы, реализация которых может помешать ей в создании Евразийского экономического союза, если политическим руководством стран-участниц будет не в полной мере учтена оборонная составляющая создаваемого нового геополитического игрока.

Для нейтрализации угроз своей безопасности Евразийский союз должен приступить к формированию соответствующих вооружённых сил, по своей структуре полностью отвечающих стратегии и роли формируемого на Евразийском континенте нового политико-экономического образования.

В заключение хочется отметить следующее. В наше смутное время финансового кризиса, дефицита топливно-энергетических и питьевых ресурсов и обострения, в том числе, и экономических противоречий между ведущими государствами мира хочется напомнить всем тем, от кого так или иначе зависит экономическая стабильность и безопасность будущего Евразийского экономического союза, слова полководца древности Сунь Цзы: «Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придёт, а полагаться на то, с чем можно его встретить; не полагаться на то, что он не нападёт, а полагаться на то, чтобы сделать нападение на себя невозможным для него» [31].

Список использованных источников

1. Путин В.В. «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», статья в газете «Известия» от 4 октября 2011г.
2. Дугин А.Г. «Основы геополитики. Геополитическое будущее России».- М.: «Арктогея», 1997.
3. Барышев А.П. «Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России)». – М.: ОГИ, 2011.

4. Валецкий О.В. «Новая стратегия США и НАТО в войнах в Югославии, Ираке, Афганистане и её влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов». – М.: «Арктика 4Д», 2008.
5. Карякин В.В. «Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира: монография». – М.: «Граница», 2011.
6. Паршин С.А., Горбачёв Ю.Е., Кожанов Ю.А. «Кибервойны – реальная угроза национальной безопасности?». – М.: КРАСАНД, 2011.
7. Матвиенко Ю. А. «Информационно-психологическая война как одна из форм разрешения социально-политических противоречий в современном обществе». Статья в журнале Академии военных наук «Информационные войны» № 4(8) за 2008г.
8. Матвиенко Ю.А. «Предупредить - значит вооружить» (кибертерроризм вчера, сегодня и завтра). Статья в журнале Академии военных наук «Информационные войны» № 2 (18) за 2011г.
9. Галенович Ю.М. «Китайские сюжеты: чем доволен и недоволен Китай». – М.: «Восточная книга», 2010.
10. Бжезинский З. «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы». – М.: «Международные отношения», 1998.
11. Савин Л.В. «Сетевая и сетевая война. Введение в концепцию». – М.: «Евразийское движение», 2011.
12. Паршин С.А., Горбачёв Ю.Е., Кожанов Ю.А. «Современные тенденции развития теории и практики управления в вооружённых силах США». – М.: ЛЕНАНД, 2009.
13. «Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / отв. ред. Н.А. Нарочницкая, ред и сост. Е.А. Бондарева». – СПб.: Алетейя, 2008.
14. Шарп Джин «От диктатуры к демократии / пер. с англ. Н. Макаровой». – Екатеринбург: «Ультра. Культура», 2005.
15. Дугин А.Г. «Конец экономики». – СПб.: «Амфора», 2010.
16. «Хочешь мира, победи мятежевоину! Творческое наследие Е.Э. Месснера / русский военный сборник № 21». – М.: «Военный университет», «Русский путь», 2005.
17. «Военная сила в международных отношениях: учебное пособие / коллектив авторов; под общ. ред. В.И. Анненкова». – М.: КНОРУС, 2011.
18. Добрянков В.И., Агапов П.В. «Война и безопасность России в XXI веке». – М.: «Академический проект», «Альма Матер», 2011.
19. Сердюк В.А. «Организация и технологии защиты информации: обнаружение и предотвращение информационных атак в автоматизированных системах предприятия: учебное пособие». – М.: Изд. дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2011.
20. Перкинс Джон «Исповедь экономического убийцы». – М.: Pretext , 2010.
21. Бианки В.А., Серавин А.И. «Убрать конкурента: PR-атака». – СПб.: «Питер». 2007.
22. Студеникин Н.В. «PR-защита бизнеса в корпоративных войнах: Практикум победителя». – М.: «Альпина Бизнесерз», 2011.
23. «Игры экономических убийц, тайный мир международных махинаций и сеть глобальной коррупции / под ред. Стивена Хайата». – М.: «Претекст», 2008.
24. «Информационные, специальные, воздушно-десантные и аэромобильные операции армий ведущих зарубежных государств: информационно-аналитический сборник / А.Н. Сидорин, И.А. Рябченко, В.П. Герасимов и др.» . – М.: Воениздат, 2011.
25. Илларионов С.И. «Глобальная террористическая война». – М.: ООО «РИЦ «ПрофЭко», 2006.
26. Девятков А.П. «Путь победы в войне смыслов». ООО «Академия небополитики». Доклад № 313/4 от 15.01.2008г.
27. Климов С.М. «Методы и модели противодействия компьютерным атакам». – Люберцы: КАТАЛИТ, 2008.
28. Бжезинский З. «Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы». – М.: «Международные отношения», 2007.
29. Матвиенко Ю.А. «Комплексная информационная атака типа «кибер-стачка» на промышленную автоматизированную систему: анатомия явления и подходы к защите». Статья. Готовится к печати в журнале Академии военных наук «Информационные войны» в 2012г.
30. Эндгаль Уильям Ф. «Полный спектр доминирования: тоталитарная демократия в Новом мировом порядке». – СПб.: «Геликон плюс», 2010.
31. «Военная сила в международных отношениях: учебное пособие / коллектив авторов; под общ. ред. В.И. Анненкова». – М.: «КНОРУС», 2011.

Заигрывания Украины с Китаем и поиски Евразийского союза Россией

Смита Пурушоттам

Введение

Россия и Украина в течение долгого времени спорили о стремлении последней к интеграции в западные структуры безопасности и экономики, а также о ценах на поставки российского газа. Всё усиливающееся сближение Украины с Китаем и потенциальная утечка военных технологий также может вызывать у России озабоченность. Россия особенно жёстко противостояла вступлению Украины в НАТО, пригласив Украину к участию в Таможенном союзе вместе с Белоруссией и Казахстаном как к началу более тесной экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Все эти годы Украина упорно противостояла давлению России, стремящейся вовлечь Украину в Таможенный союз. Тем не менее, 18 октября 2011 г. во время саммита СНГ в Санкт-Петербурге Украина исполнила неожиданный кульбит и согласилась вступить в свободную торговую зону с Россией, Белоруссией, Казахстаном, Арменией, Киргизией, Молдавией и Таджикистаном. Здесь мы попытались объяснить неожиданный поворот в позиции Украины, его стратегические последствия для баланса сил в Евразии, особенно в свете предложения премьер-министра России создать Евразийский экономический союз.

Войны за цены на газ

Принимая во внимание стремление Украины сформировать независимый внешнеполитический курс, ориентированный на тесное сотрудничество с ЕС, НАТО и Китаем, непосредственной причиной её капитуляции перед Россией с её предложением может быть понимание, что она проиграла войну за цены на газ с Россией.

Разногласия в вопросе цены на газ с Украиной вынуждали Россию прерывать поставки в 2006 и 2009 гг. Тогдашний премьер-министр Украины Юлия Тимошенко позднее согласилась с рыночной газовой ценой в 2009 г. В следующем году президент Виктор Янукович договорился о снижении цены на 100\$ за тысячу кубометров в обмен на продление срока аренды российской военной базы в Севастополе. Однако он продолжил настаивать на дальнейшем снижении цены. Как сообщают, Россия предложила снизить цены в обмен на слияние «Газпрома» и украинской газовой компании «Нафтогаз», уже обсудив соглашение с Белоруссией о получении её газовой транзитной системы и пригласив

Украину присоединиться к Таможенному союзу вместе с Белоруссией и Казахстаном. Украина отклонила эти требования, так как это бы означало уступку контроля над своими трубопроводами и утрату всякого рычага давления в диалоге с Россией.

Тем временем, украинский президент предал суду Тимошенко с обвинением в обременении страны непосильными ценами на газ, угрожая расформировать украинскую газовую фирму, надеясь, что это аннулирует контракт с Россией. Украинский суд затем приговорил её к семи годам лишения свободы, что привело к серьёзным протестам со стороны как России, так и ЕС по поводу политически мотивированной «охоты на ведьм».

ЕС отменил запланированную встречу 20 октября с президентом Януковичем, демонстрируя своё недовольство. Всего за две недели до этого Россия объявила о неизбежности запуска Северного потока, трубопроводной системы для транспортировки российского газа в Германию через Балтийское море, при помощи которого можно будет снизить ценность Украины как транзитной страны. Находящийся в стадии разработки Южный поток также обходит Украину.

Отброшенная Европой, Украина согласилась на предложение более интенсивной экономической интеграции, это объясняет резкий поворот её президента. Возможно, Украина осознала, что в сложившихся условиях вступление в зону свободной торговли, которое не позиционируется как помеха диалогу о свободной торговле с ЕС – это один из немногих оставшихся вариантов, позволяющих справляться с давлением России, стремящейся к газовому слиянию (хотя - с учётом других альтернативных строящихся трубопроводов – эти украинские транзитные маршруты больше не кажутся таким уж лакомым куском).

Растущее стратегическое партнёрство с Китаем

Чтобы понять стратегические последствия разворота Украины, необходимо учесть в этом контексте растущую близость Украины к Китаю и российский проект Евразийского экономического союза.

Существует два аспекта усиленного диалога Украины с Китаем – геостратегический и военно-технический, причём оба могут быть причиной для беспокойства со стороны России. Украина и Китай сейчас сотрудничают в области энергетических проектов, атомной энергетики, военной авиации, инвестирования в инфраструктуру – включая железнодорожные проекты и аэропорты. По словам президента Януковича, многообещающие области сотрудничества с Китаем – это авиационный сектор, космические исследования и научно-техническая сфера.

Во время визита на Украину президента Ху Цзиньтао в июне 2011 г. уровень отношений вырос до стратегического партнёрства,

основанного на взаимном уважении к суверенитету государства, территориальной целостности, пути развития, избранного каждой из стран, отказе от использования силы или угрозы её применения, экономических и других способов принуждения. Китай также дал гарантии безопасности Украине, отказавшись от использования ядерного оружия против Украины, являющейся безъядерным государством. По словам агентства Синьхуа, стратегическое партнёрство также фиксирует, что «ни одна из сторон не должна разрешать третьей стране использовать территорию этой стороны для нанесения вреда суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой стороны», при этом утверждалось, что «китайско-украинское сотрудничество не направлено ни на одну из третьих стран». Точно так же комментарий в China Daily, подчёркивая «значимое» стратегическое место Украины, добавляет, что Китай всегда придавал значение связям с Украиной, «которая является мостом между Азией и Европой» и служит «воротами Китая в Европу».

Китайско-украинское сотрудничество приветствовалось украинцами как «новый шёлковый путь» и планировалось как переключатель игры. Украина искала для себя место эксклюзивного посредника между Китаем и Западной Европой. Президент Янукович заявил, что Китай – главный партнёр Украины в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Примечательно, что Венгрия, видимо, соперничала с Украиной в борьбе за получение этого же статуса во время визита китайского премьер-министра Вэня Цзябоа через несколько дней, во время которого обсуждались (среди многих других) планы превратить неиспользуемый венгерский аэропорт в «главную европейскую базу грузов». Это отразило приобретение Китаем также неиспользуемого аэропорта Пархим в северной Германии в 2007 г., после того как аэропорт был предложен и, вероятно, использовался для парковки самолётов делегаций G-5 во время встречи G-5 и G-8 на Хайлигендаммском саммите. Точно так же греческий порт Пирей, который принадлежит теперь китайской фирме, тоже используется Китаем для достижения центральноевропейских рынков. Китай, конечно, также финансирует массу проектов в Центральной и Восточной Европе, включая Турцию. Таким образом, китайские заигрывания с Восточной Европой, видимо, привели к реальному выбору среди поклонников, борющихся за право «эксклюзивных» отношений с Китаем.

Для Китая гостеприимная встреча в европейских столицах отмечается как в странах постсоветского пространства, так и в находящихся в затруднительном финансовом положении странах ЕС. Китай, который проектировал себя как евразийская сила, желает зафиксироваться и как равный игрок в европейской политике. В решительной попытке сделать своё присутствие осязаемым в Европе он добивается стратегических позиций в экономиках

ключевых стран, нуждаясь в передовых технологиях и продуктивных рынках сбыта для своих огромных валютных резервов, которые помогут Китаю достигнуть статуса суперсилы. Ему также необходимо влияние на европейские столицы для обеспечения признания себя в качестве рыночной экономики и избавления от эмбарго на поставки оружия. Его цели будут достигнуты очень скоро, так как Европа находится в поиске средств, чтобы выбраться из нынешнего мегакризиса.

Военно-техническое сотрудничество между Украиной и Китаем

Другое измерение их двусторонних отношений – усиливающееся военно-техническое сотрудничество, которое включает в себя украинско-китайскую координационную комиссию военно-технического сотрудничества. Следует отметить, что Украина и Китай в течение продолжительного периода времени сотрудничали в военно-технологических вопросах, включая военную авиацию, постройку аэродинамических труб для тестирования тяжёлых транспортных самолётов, модернизацию транспортных судов У8 и т.д. Пакистан и Китай – сегодня главные направления украинского военного экспорта.

Украинский авианосец «Варяг» в буквальном смысле слова взволновал восточное полушарие. Ричард Фишер, военный эксперт по Китаю, а также некоторые российские комментаторы, предполагали, что китайцы использовали прототип Т10К, купленного у Украины в 2005 г., для разработки своего палубного истребителя J15. По словам Фишера, Украина могла быть источником авиационных, космических и ракетных технологий, передовых жидкостных ракетных двигателей, ракет класса «воздух-воздух» и многого другого для Китая. С двусторонней торговлей, ведомой военным экспортом с оборотом в более чем 1,2 миллиарда долларов за последние три года, Китай может стать главным партнёром Украины в военно-технической области в ближайшем будущем.

Раздосадованная конкуренцией, которую составили на новых рынках китайские продукты, разработанные при помощи советских технологий, Россия стала сворачивать своё сотрудничество с Китаем в военно-технической сфере, при этом не до конца закрывая дверь. Учитывая тесные, однако, иногда беспокойные отношения России с Украиной, российские СМИ пристально следили за разработками в этой области во время визита китайского президента на Украину в июне этого года.

Отзываясь о фактах нарушения советских/российских прав на военную интеллектуальную собственность, российские СМИ предупреждали, что Китай непропорционально выиграет от трансфера технологий, так как у него нет никакого смысла покупать украинские вооружения после

копирования технологии, так что Украине следует быть крайне осторожной при укреплении военно-технического сотрудничества с Китаем.

Сергей Вознесенский, военный комментатор, отметил, что «развитие украинско-китайского диалога, так же как и внешнеполитические инициативы Китая на постсоветском пространстве, чрезвычайно интересны Российской Федерации, так как Москва видит в Китае не только многообещающий рынок для российских энергоносителей, но и потенциальную угрозу своей территориальной целостности и суверенитету». Сообщая, что Китай может закупить украинские радарные системы и ракеты системы «воздух-воздух», автор отметил, что Китаю не удалось получить их у России, пересмотревшей своё отношение к сотрудничеству с Китаем в свете «неприкрытого стремления Китая развивать свои собственные радарные системы и ракеты, которые могут быть использованы против России в гипотетическом конфликте с Китаем». Он также предупредил Украину, что «Китай не будет покупать большое количество вооружений, так как основной его целью является присвоение технологии, затем запуск собственного производства и, наконец – экспорт на мировые рынки, что позволит таким образом оставить ни с чем и Россию, и Украину». Автор дошёл даже до утверждения, что проникновение Китая на постсоветское пространство ставит перед собой целью ограничить отход России на свой запад «в случае российско-китайского конфликта из-за аннексии российских восточных территорий».

Проект Путина по усилению экономической интеграции – Евразийский союз

Решение Украины присоединиться к возглавляемой Россией свободной торговой зоне может помочь понять возможную конфигурацию баланса сил в Евразии.

4 октября в своей занимательной статье премьер-министр Путин в «Известиях» призвал к созданию Евразийского союза, который должен состоять из постсоветских государств. Дмитрий Тренин, уважаемый российский аналитик, заявил, что это – не попытка возродить Советскую империю, хотя Россия и «остаётся важным глобальным стратегическим игроком, благодаря своим запасам нефти и газа, а также ядерному арсеналу... у неё нет ни желания, ни ресурсов, чтобы попытаться вернуть Российскую Империю». Русские стремятся, прежде всего, к «стратегической независимости, которая означает независимость от двух принципиальных игроков – США и Китая».

Путин подтверждает эти соображения, утверждая: «Это никоим образом не ведёт к возрождению Советского Союза в любой форме. Было бы наивно пытаться возродить или подражать тому, что было предано

истории». Он хорошо понимает препятствия, перед которыми стоит политическая интеграция на постсоветском пространстве.

Путин также обращает особое внимание на тему стратегической независимости, когда пишет о том, что Евразийский союз будет «могущественной надгосударственной ассоциацией, способной стать одним из полюсов в современном мире», добавляя, что «сотрудничество между Евразийским союзом и ЕС спровоцирует изменения в геополитической и геоэкономической структуре континента в целом с гарантированным глобальным эффектом». Евразийский союз будет, таким образом, ключевым игроком наряду с ЕС, США, Китаем и АТЭС.

Наконец, акцент Путина на экономической интеграции и координации бизнеса и, конечно, на модели ЕС как образца для Евразийского союза, подтверждает западный вектор инициативы. Ссылаясь на ЕС как на модель и пример по ряду пунктов и подчёркивая необходимость сделать приоритетными торговые и производственные связи, он говорит, что Таможенный союз и Единое экономическое пространство (ЕЭП) станут фундаментом Евразийского экономического союза. С Шенгенским соглашением в качестве модели предусмотрена общая визовая и миграционная политика, а также повышение уровня контроля границ и трудовые квоты, что будет означать свободный выбор места проживания, учёбы и работы. Это также создаст новые динамичные рынки, управляемые общими стандартами и управлением товарами и сервисами, как в модели ЕС.

Высказываясь по поводу сомнений Украины насчёт присоединения к «прогрессивным интеграционным проектам на постсоветском пространстве», Путин утверждает, что проект не противоречит проевропейской позиции Украины, добавляя: «Мы не намерены ограничивать себя, как не собираемся и противостоять кому-либо. Евразийский союз будет базироваться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединённая общими ценностями свободы, демократии и рыночных законов». То есть он, таким образом, повторил известную российскую идею о создании (экономически) согласованного пространства от Лиссабона до Владивостока, в частности, «свободной торговой зоны и даже об использовании более тонких интеграционных схем ... повсюду от Атлантического до Тихого океана». В этих целях Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана инициировал переговоры по созданию свободного торгового пространства с Европейской ассоциацией свободной торговли.

Заключение

Россия использовала свою энергетическую дипломатию, пытаясь вытеснить ЕС, НАТО и Китай с места ключевого партнёра Украины,

тем временем снижая ценность Украины как стратегического партнёра, в том числе и для Китая. Дружественная Украина рассматривается как необходимое условие для российской безопасности, а более тесные отношения смогут обеспечить лучшую координацию в предотвращении утечки технологических секретов в Китай. Решение Украины присоединиться к зоне свободной торговли может стать началом российско-украинского соглашения в том случае, если обе стороны проявят уважение к интересам друг друга и создадут этим возможность оживить свои экономики, а также экономики других стран-членов СНГ.

Россия предлагала и другие инициативы для усиления своего влияния на постсоветском пространстве, желая проектировать их как модернизирующие, инклюзивные и открытые. Если проект Евразийского союза удастся, он предложит определённую альтернативу и Китаю, который расширяет своё влияние над евразийской транспортной системой, инфраструктурой, нефтяными и газовыми сетями, а также вовлекается в Европу. Примечательно, что Франция обращалась с просьбой к Китаю за помощью в попытке спасти еврозону. Страны Центральной Азии также могут захотеть сбалансировать растущую китайскую мощь своей поддержкой российской инициативы. Замечание Путина, что Евразийский союз станет одним из полюсов в современном мире, «который в партнёрстве с ЕС получит глобальный геополитический и геоэкономический импульс», можно интерпретировать в этом свете.

Если Европа и вообще Запад хотят достигнуть ощутимого баланса сил в Евразии, они также могут открыть возможность работать с Россией. Кое-кто в США это понимает. Посол Роберт Д. Блэквилл стал соавтором статьи, в которой говорится о том, почему Россия имеет значение для Запада. Американский посол в России заявил, что слабая Россия – самый страшный кошмар для США.

Но ЕС недавно вторглись в офисы партнёров Газпрома в Европе на основании антитрестовского законодательства, чтобы найти доказательства поведения, мешающего свободной конкуренции. Действия были предприняты по просьбе «транзитных» стран. Это также отражает их страхи перед растущей властью Газпрома, установившейся над транзитной системой Белоруссии и пытающейся сделать то же с украинской системой. Со своей стороны, Россия может согласиться по их просьбе на более низкие цены на газ. Так или иначе, атаки на основной инструмент власти не внушит любви к ЕС русским, которые могут удвоить свои усилия в развороте на запад. При этом, премьер-министр Путин обсудил перспективы газового трубопровода во время своего визита в Китай (который поставлен в тупик ценами на газ), в то время как президент Медведев на недавней встрече с северокорейским лидером во

время поездки в КНДР обсудил с ним транзитный трубопровод через Северную Корею на азиатско-тихоокеанские рынки. Российские газеты также сообщали о том, что Россия серьёзно рассматривает планы разнообразить свои поставки энергоносителей на азиатско-тихоокеанские рынки. Российский восточносибирско-тихоокеанский трубопровод уже осуществляет поставки нефти в АТР и Китай.

В конечном счёте, успехи этих новых уравниваний и организаций будет зависеть от глубоких реформ и сильной жажды модернизации. С этими побуждениями президент Медведев начал инициативу модернизации российской экономики, создания инновационных центров, снижения зависимости от сырьевых материалов и разнообразия энергетического экспорта.

Дополнительные реформы в каждой из стран-участниц тоже могут привести к большей содержательности и мощности российской инициативы.

Геополитическая ситуация у западных границ Евразийского Союза

Гулевич В.А.

Идея о создании монолитного Евразийского Союза ещё не получила практического наполнения, однако уже сейчас представляется целесообразным проанализировать основные тенденции, которые будут не способствовать, а препятствовать воплощению в жизнь этой идеи.

Наибольшее беспокойство гипотетический Евразийский Союз вызвал у западного экспертного сообщества, поскольку как раз в этой части света находятся непримиримые оппоненты этой идеи, и больше всего проблем у сторонников евразийской интеграции возникнет как раз со странами Запада, в т.ч. ближайшего Запада – постсоциалистическими странами Европы и бывших советских республик, ориентированных не столько на Москву, сколько на Вашингтон и Брюссель.

Так, в СМИ появилась информация о том, что главы МИД Германии и Польши Гидо Вестервелле и Радослав Сикорский выступили с совместным призывом к ЕС о разработке новой стратегии в отношении Москвы. Основной упор предлагается сделать на модернизацию экономики и политической системы, а также соблюдение демократических ценностей. Очевидно, что участие западных инвесторов в модернизации российской экономики будет напрямую зависеть от дисциплинированности Москвы в вопросах прав человека, своеобразно понимаемых Западом. О конкретном практическом наполнении инициативы Сикорского и Вестервелле говорить рано, но некоторые прогнозы можно сделать уже сейчас. Первое впечатление - Россию хотят принудить к игре по правилам Запада, а за это обещают некоторые экономические послабления.

Сам факт договорённостей между Берлином и Варшавой по «русскому вопросу» может означать контуры новой геополитической конструкции – ось Берлин – Варшава. Идея ориентации Польши на Германию не нова. Впервые предельно внятно и обоснованно её озвучил польский геополитик германофильских убеждений Владислав Гизберт-Студницкий, ещё в начале XX в. По мнению Гизберт-Студницкого, Польше самой природой уготована роль союзницы Германии (1). Этот союз должен быть направлен на борьбу с Россией. Берлину он отводил ведущую роль, Варшаве – вспомогательную. Немцы, поэтому, должны контролировать всю Центральную Европу, а полякам будет отдана Европа Восточная, в т.ч. территории, на тот момент входящие в состав Российской империи (Украина, Белоруссия). Германофильство Гизберт-Студницкого было настолько сильно, что даже после разгрома Польши вермахтом в 1939 г.

он обращался к руководству Третьего Рейха с идеей воссоздания Войска Польского под нацистским командованием для совместной войны против Советского Союза.

Геополитическая логика в концепциях Гизберт-Студницкого предполагала присоединение Польши к конструированию т.н. Средней Европы (Mitteleuropa), понятой не географически, а политико-идеологически. Концепция Средней Европы была выдвинута немецким политическим деятелем Фридрихом Науманном во время Первой мировой войны и предполагала доминирование Германии в масштабах всей Центрально-Восточной Европы, оттеснение России вглубь евразийского материка и создание санитарного кордона из небольших, по максимуму германизированных, государств, зависимых от Германии – Литва, Латвия, Польша, Украина и т.д. Гизберт-Студницкий понимал, что если Польша будет пассивна, она превратится в объект геополитики, и не будет её субъектом. Выход, по его мнению, был в присоединении Варшавы к империалистическим планам Берлина, пусть и на вторых ролях. Поскольку Россия завладела 80% польских территорий, в т.ч. столицей Польши – Варшавой, именно она, по мысли Гизберт-Студницкого, была основным врагом поляков.

Современная Польша вынуждена считаться и с Берлином, и с Москвой. Тезис польского геополитика Адольфа Бохенского, о том, что Польша – это проклятое место Европы (из-за соседства с более мощными Германией и Россией), всё ещё актуален в польской геополитике, хотя ряд интеллектуальных школ отрицают его насущность в XXI в. В силу принадлежности польского народа к лону западной цивилизации, в т.ч. в политико-институциональном смысле, Польша, скорее, выберет Германию, чем Россию. И союз Берлина и Варшавы принесёт немало хлопот для российской политики в Европе (2).

Характерно, что правящий в Германии правоцентристский Христианский демократический союз в своём программном документе, озвученном на съезде партии 14-15 ноября 2011 г., отмечает важность консолидации Европы под эгидой Германии и Франции. Опорой европейской восточной политики христианские демократы видят Польшу, и выступают за активизацию роли Веймарского треугольника. «Треугольник» появился в 1991 году, когда Франция и объединённая Германия перестроили свою политику на постсоветском пространстве. С распадом СССР постсоциалистическая Европа превратилась в зону непосредственных геополитических интересов Берлина и Парижа. Привлечение Польши, одной из самых крупных по численности населения и территории стран «новой Европы» в качестве «третьего угла», диктовалось тем, что немцы и французы стремились держать поляков в рамках диалога, осуществляя мягкий контроль над внешней политикой Варшавы.

12 мая 2011 г. страны Вишеградской четвёрки (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия) объявили о намерении создать новое боевое соединение под командованием Польши, которое к 2016 году превратится в полноценный военно-политический механизм с формально отдельными от НАТО полномочиями (3). И уже с 2013 года Вишеградская группа примет участие в серии военных учений «Ответная сила» (под эгидой НАТО). Подписав ещё в 1990-х совместную декларацию о стремлении к интеграции в европейские структуры, Вишеградская группа чётко обозначила политико-идеологический рубеж, на котором она собиралась «сдерживать» Россию. Решение Вишеградской четвёрки «сплотиться силой» может прочно «запечатать» восточно-европейское направление для российской внешней политики... Выбор Польши на роль руководителя новообразованного союза тоже не случаен: поляки - самый крупный по численности армии и населению союзник США в Восточной Европе с задатками регионального лидера и далеко идущими внешнеполитическими амбициями.

Страны нового военного блока раскинулись от Балтийского побережья до границ Румынии. По центру будут сосредоточены вооружённые силы Вишеградской четвёрки, а с флангов находятся Румыния с её экспансионистскими идеями и отношением к России как к врагу №1 (что записано в военной доктрине Бухареста) и страны Прибалтики с натовским контингентом и традиционной русофобией. Обсуждаются перспективы присоединения к блоку в ближайшие десять лет Украины – ключевого звена европейской политики на востоке.

Для того чтобы полностью отгородиться от России, Вишеградской группе желательно заручиться поддержкой Болгарии и Турции. Открыто София помогать «замуровывать» восточно-европейские рубежи не собирается, но и мешать этому не будет. Сложнее с Анкарой. С недавних пор отношения Турции и РФ значительно улучшились, а это значит, что «вишеградский заслон» на юге так и не упрётся в Черное море. Однакостораживают новые уступки турецких властей Вашингтону, в т.ч. в вопросах размещения элементов системы ПРО.

Из всех стран-членов Вишеградской группы наиболее ровные отношения у Москвы со Словакией. С венграми, чехами и поляками ситуация сложнее. Поэтому в случае попытки Москвы достичь взаимоприемлемых договорённостей в диалоге с Вишеградской четвёркой переговоры, скорее всего, начнутся с Братиславой. Внешнеполитический вес Словакии не так велик, но в региональном масштабе она представляет собой звено, наиболее открытое к сотрудничеству с Россией.

Стремление Варшавы активно участвовать в строительстве новой Европы и потепление в польско-российских отношениях не означает,

что Польша готова «отказаться» от Украины или Белоруссии. Так называемые «восточные территории», к которым поляки относят западные районы Украины и Белоруссии, а также южную Литву, - это колыбель польской культуры, где родились и творили многие её представители. Отказ от «кресов всходних» для поляков немислим. Несмотря на некоторое сближение Москвы и Варшавы, репортажи польских СМИ, вещающих на «восточные территории», по-прежнему выдержаны в крайне русофобских тонах. «Восточные земли» - тот рубеж, который Польша не намерена оставлять ни при каких условиях. «Кресы всходни» для поляков - это сугубо польский вопрос.

Необходимо отметить, что в польском экспертном сообществе до сих пор остаётся востребованной идея польского прометеизма, получившая активную поддержку в 1920-х – 1930-х маршала Ю. Пилсудского. Прометеизм – концепция мессианского служения Польши на благо народов Европы в их борьбе с российским экспансионизмом. Польшу сравнивали с легендарным Прометеем, который нёс огонь свободы людям и платился за это жизнью. В довоенной Польше на прометейскую идею работал Восточный институт в Варшаве. В Париже действовала организация «Прометей». Ячейки организации существовали в Хельсинки, Праге, Берлине и близких к южным и восточным рубежам Советского Союза Тегеране и Харбине. Целью организации «Прометей» было расчленение по национальным швам (создание отдельных государств Белоруссии, Украины, Грузии, Азербайджана, Армении, Туркестана) не только Советского Союза, но и РСФСР (откол Карелии, Коми, Крыма, Кубани, Дона, Северного Кавказа). Планировалось создание новых государств – Ингрии (район проживания финнов-ингерманландцев) и Идель-Урала (территория расселения татар и башкир). Официальным печатным органом прометейской идеи были издававшиеся в Париже журналы «Прометей» («Prométhée») (1926-1938) и «Прометейское обозрение» («La Revue de Prométhée») (1938-1940). Сегодня идеологию польского прометеизма активно поддерживает специализированный портал «Прометейское обозрение» («Przegląd Prometejski») вместе с Отделом изучения Востока Варшавского университета (4). Прометейская идея находит отклик у части интеллектуалов, принадлежащих к геополитической школе, которую условно можно назвать «краковской». Площадкой для развития и популяризации этой идеи служит краковский Центр политической мысли (Osrodek Myśli Politycznej).

Но «краковская» школа не является монополистом в польском геополитическом дискурсе. На одном с ней интеллектуальном поле развивается т.н. «варшавская» школа. Её отличие от «краковской» в том, что «варшавская» школа имеет чёткую проамериканскую ориентацию,

как безальтернативный выбор для Польши в условиях её соседства с Россией, а концепцию «Междуморья» рассматривает как романтическую грёзу былых времён. Средоточием «варшавской» геополитической мысли является Центр изучения восточных территорий (Osrodek Studiów Wschodnich).

Третьим направлением в польской геополитике можно считать «ченстоховскую» или континенталистскую школу. «Ченстоховское» направление зародилось сравнительно недавно и пока является миноритарным течением. С учреждением в 2007 г. в Ченстохове Института геополитики (Instytut geopolityki) континенталистская геополитическая мысль вышла на более высокий интеллектуально-политический уровень, поскольку Институт геополитики поддерживает отношения с правительственными структурами и частью польской интеллектуальной элиты. На похожих позициях стоит также Европейский центр геополитического анализа (Europejski Centrum Analiz Geopolitycznych), который активно сотрудничает с экспертами из стран СНГ.

Очевидно, что проатлантистская геополитическая мысль в Польше имеет явный количественный перевес над польским континентализмом. Две из трёх геополитических школы в той или иной мере привержены талассократическим концепциям, которые приобретают различную военно-политическую форму – от идеи ягеллонской империи и «Междуморья» до создания *Rach Polonica* или присоединения к НАТО. Далее, из двух традиционных польских внешнеполитических парадигм – пястовской и ягеллонской – преобладает последняя, подразумевающая проникновение на Восток. Интеллектуальный базис ягеллонской доктрины формировался на протяжении не одного столетия, и в современной польской геополитике талассократические принципы, исповедуемые «варшавской» и «краковской» школами, - суть современного измерения доктрины Ягеллонов.

Тем не менее, стабильность на западных рубежах Евразийского Союза возможно при стабильных польско-российских отношениях. Москве необходимо искать точки соприкосновения с Варшавой, даже если это неимоверно трудно. Ось Берлин-Москва, в обход Варшавы, могла бы привнести положительную динамику в европейскую политику России, но у Варшавы есть Вашингтон. Так, в июне 2011 г. в Варшаве было открыто Бюро базирующегося в США Немецкого Фонда Джорджа Маршалла (German Marshall Fund of the United States). Директором варшавского Бюро стал американский профессор польского происхождения Эндрю Михта, специалист по безопасности Центрально-Восточной Европы. Задачами Бюро являются «анализ и исследование вопросов трансатлантического сотрудничества, проблем Центральной Европы

и её восточных соседей, в том числе, с применением сетевых принципов работы и в тесной кооперации со штаб-квартирой Фонда и его представительствами». Примечательно, что варшавское бюро Фонда при сборе аналитической информации будет работать в обход посольства США в Польше – у него иная вертикаль подчинения.

Оскар Жебровский, польский историк и политический географ, предлагал условно разделить Центрально-Восточную Европу на два разнонаправленных полюса – юго-западный и северо-восточный. К юго-западу он относил Польшу, Чехословакию, Венгрию, Германию и т.д. Северо-восток включал в себя Украину (за исключением западных областей), Белоруссию, Молдавию и Россию. Разделительная линия между ними условно проводилась от Гданьска на Балтике до Одессы на Чёрном море. По Жебровскому, эта черта служила границей двух мировоззренческих парадигм, постоянно конфликтующих и конкурирующих друг с другом. И сегодня, анализируя отношения Варшавы, и, шире, коллективного Запада с Москвой, следует учитывать эти нюансы.

Список использованных источников

1. Władysław Gizbert-Studnicki "Przeciw prądowi. W sprawie obchodu grunwaldzkiego" (Kraków 1910 Polskie Tradycje Intelktualne)
2. Władysław Gizbert-Studnicki "System polityczny Europy a Polska" (Warszawa, 1935)
3. George Friedman: Visegrad – A New European Military Force
4. Andrzej Nowak: Przez Ukrainę i Kaukaz na Petersburg: początek drogi do koncepcji prometejskich w polskiej myśli politycznej(«Przegląd Prometejski»)

Геостратегия «Анаконда» и Евразия

Алтухов В.А.

Геополитический анализ

Проанализируем дискуссию об интеграции постсоветского пространства, которую начали на страницах газеты «Известия» российский премьер-министр Владимир Путин, президент Беларуси Александр Лукашенко и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

Владимир Путин, рассуждая в своей статье¹ об интеграционных процессах, подчеркнул, что мировой финансовый кризис подстегнул государства к поиску новых ресурсов для экономического роста. Это заставило серьезно задуматься о том, как модернизировать принципы партнерства — в рамках СНГ, Союзного государства России и Белоруссии, ОДКБ, ЕврАзЭС, ТС, ЕЭП, в общем, во всех региональных объединениях на просторах бывшего Советского Союза. Владимир Путин в своей мюнхенской речи² назвал распад СССР геополитической катастрофой, и это объясняет его призыв к тому, чтобы интеграционные процессы превратить в долгосрочный проект, не зависящий от перепадов различного рода конъюнктур, нацеленный на то, чтобы стать одним из полюсов современного мира. Настаивая в своей статье на том, что Евразийский Союз, становясь своего рода центром дальнейших интеграционных процессов, не стоит воспринимать как попытку реставрации или воссоздания СССР, напротив, предлагается модель наднационального объединения, смысл которого в более тесной координации экономической и валютной политики по созданию полноценного экономического союза.

Александр Лукашенко, в своих размышлениях³ говорит о том, что положено начало реализации решений, которые принято называть судьбоносными. Подчеркивая общность судьбы и многовековые традиции совместного проживания в границах одного государства, президент Белоруссии поддерживает предложенную Владимиром Путиным конструкцию продвинутой интеграции, настаивая на надежности и долговечности нового наднационального механизма. Так же Александр Лукашенко говорит о том, что развал Советского Союза, который он считает глубочайшей и трагической ошибкой XX столетия, не привел к смене биполярного мира

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761> (дата обращения - 24.11.2011)

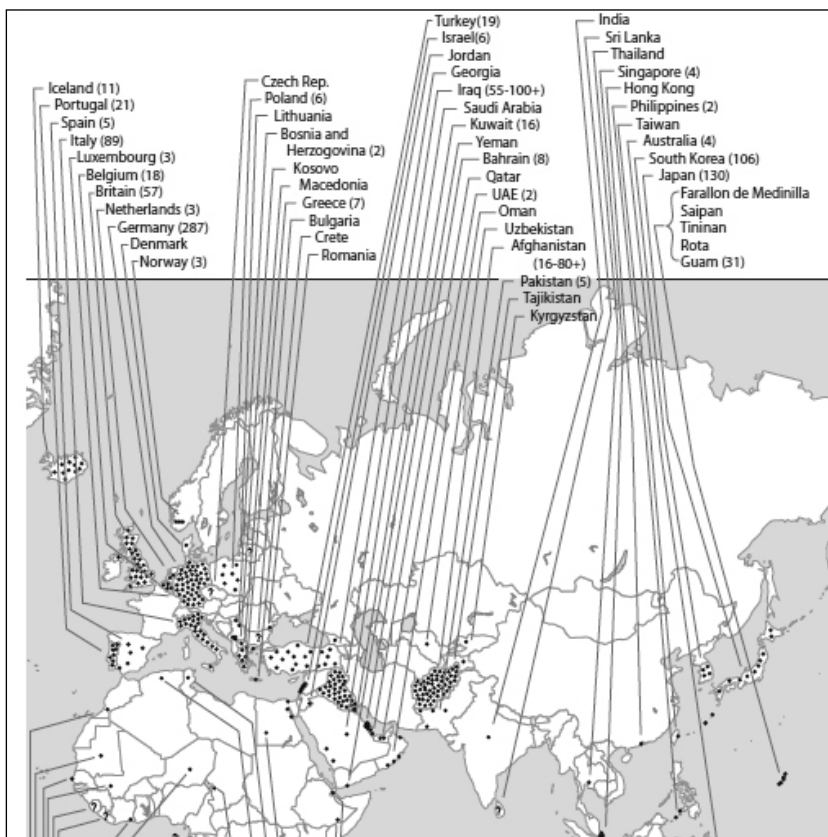
² Путин В.В. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс] URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (дата обращения - 24.11.2011)

³ Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции [Электронный ресурс] URL: <http://www.izvestia.ru/news/504081> (дата обращения - 24.11.2011)

на многополярный, сбалансированный с множественностью центров влияния. Напротив, в мире, меняющемся от одной формации к другой, царит хаос, в котором молодым государствам приходится испытывать на себе давление более сильных международных акторов. Одним из «противовесов» сложившейся ситуации президент Белоруссии видит в формировании емкого общего рынка, основанного на балансе интересов, т.е. без интеграции «никак нельзя». При этом Александр Лукашенко в своей статье не только говорит об интеграции постсоветского пространства, но и поддерживает идею о создании общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, указывая также на необходимость тесной интеграции с государствами и экономическими объединениями Азиатско-Тихоокеанского региона и, прежде всего, с Китаем.

Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, продолжая дискуссию начатую Владимиром Путиным и Александром Лукашенко, говорит о том⁴, что распад СССР и разрыв прежде единого хозяйственного механизма обвалил целые отрасли народного хозяйства. Стали набирать обороты межнациональные конфликты, зародившиеся на закате Советского Союза. Погружение в хаос и разлом по этническим и религиозным основаниям всего постсоветского пространства, подобный тому, что произошел в Югославии, удалось, во-многом, остановить благодаря созданию 20 лет назад Союза Независимых Государств. Создание СНГ нормализовало сложнейшие процессы, вызванные распадом сверхдержавы, одновременно с этим положило начало интеграционным процессам некогда единого пространства. Опыт, полученный в рамках СНГ, позволил перейти к более результативным формам разноформатной и разноскоростной региональной интеграции, которые сегодня принято называть евразийской интеграцией, утверждает президент Казахстана. Именно Нурсултан Назарбаев в МГУ имени М.В. Ломоносова в 1994 г., обращаясь к интеллектуальной элите стран Содружества, впервые предложил создать на пространстве СНГ качественно новое интеграционное объединение — Евразийский Союз Государств. В основе предложенного проекта лежит «евразийство» Льва Гумилева, концептуально обосновавшего единство географических и культурно-исторических связей народов Евразии, но переосмысленное и учитывающее конкретные исторические и геополитические условия, сложившиеся в мире на рубеже XX и XXI веков. По мнению президента Казахстана, регионализация стала общемировой тенденцией, это прослеживается и в предполагаемом расширении Евросоюза и в создании зоны свободной торговли Китая и стран АСЕАН в Юго-Восточной Азии, укреплении интеграции стран Северной и Южной Америки, Африки. Без уче-

⁴ Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего [Электронный ресурс] URL:<http://izvestia.ru/news/504908> (дата обращения - 24.11.2011)

Военные базы США на территории Евразии

та этих глобальных трендов невозможно становление Евразийского Союза как глобального центра многополярного мира.

Дискуссия между Владимиром Путиным, Александром Лукашенко и Нурсултаном Назарбаевым не носит полемический характер, напротив, их выступления, как уже отметили многие эксперты, развивают и дополняют друг друга, что говорит о присутствии некоего единства во взглядах по важнейшим вопросам. Эти обстоятельства вселяют оптимизм в сторонников евразийской интеграции. По некоторым социологическим опросам порядка 70% жителей стран постсоветского пространства выступает за тесное взаимодействие и сотрудничество между бывшими республиками Советского Союза. Эта цифра на протяжении 20 лет практически не меняется. Так за сохранение СССР на референдуме в 1991 г. высказались 76,4% проголосовавших, правда, тогда это не помогло удержать Союз от краха. Вспоминая о распаде СССР, патриарх

Кирилл назвал это крушением исторической России⁵. Наличие исторического единства, взаимное уважение народов говорит так же о том, что схожесть структур обществ, пропитанных общими цивилизационно-культурными кодами, позволяет мыслить постсоветское пространство как нечто единое, как то, что подлежит интеграции.

В данном контексте будет релевантным упоминание теории, пожалуй, первого русского геополитика Петра Савицкого, в которой важнейшую роль играет концепция «месторазвития». Проявляя преемственность к русской интеллектуальной традиции, всегда тяготевшей к «цельности», «соборности», «всеединству», Савицкий так выделяет сущность своего термина: Социально-политическая среда и ее территория должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт⁶. Краткую характеристику еще одного термина - Россия-Евразия, которым Савицкий обозначает не материк и не континент, но идею, отраженную в русском пространстве и русской культуре, историческую парадигму и особую цивилизацию, можно дать следующую: Россия-Евразия есть такое «месторазвитие», которое является интегральной формой существования более мелких «месторазвитий»⁷. То есть Россия-Евразия у Савицкого резонирует с понятием Raum у Фридриха Ратцеля и с Grossraum у Карла Шмитта.

Так же в развернувшейся дискуссии содержатся неоднократные высказывания по поводу создания единого экономического пространства с Евросоюзом от Лиссабона до Владивостока. Это имеет прямую отсылку к евразийской геополитической теории Жана Тириара о Европе от Дублина до Владивостока⁸, в основе которой лежит принцип автаркии больших пространств. Данная теория, развитая Фридрихом Листом в XIX веке, утверждает, что полноценное стратегическое и экономическое развитие государства возможно только в том случае, если оно обладает достаточным геополитическим масштабом и большими территориальными возможностями. Впрочем, созданный Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана можно свести к той же экономической теории Фридриха Листа. В любом случае прослеживается заявка на создание одного из полюсов многополярного мира, предпосылками к построению которого и выступает интеграция постсоветского пространства в Евразийский Союз Государств.

Возможно, высказывания высокопоставленных чиновников на страницах «Известий» о том, что создаваемый союз государств не планирует закрываться в собственных границах и носит открытый характер,

⁵ [Электронный ресурс] URL:<http://vz.ru/news/2011/11/11/537962.html> (дата обращения - 24.11.2011)

⁶ Дугин А.Г. Основы Геополитики. - М.: Арктогея, 2000.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

в будущем выльется в некую доктрину, схожую по своему смыслу с теорией Фредерика Тернера о «подвижных границах», что реализовалась в политике «открытых дверей» США. Вопрос чисто риторический, однако, разноформатная и разноскоростная интеграция в границах бывшего СССР, есть не что иное, как восстановление «Большого пространства», которое в своих границах строго тождественно heartland'у в геополитической модели Хэлфорда Макиндера.

Отсылка к классической модели геополитики, одним из отцов-основателей которой принято считать Хэлфорда Макиндера, требует вкратце напомнить ее суть. Иерархизируя планетарное пространство через систему концентрических кругов: в центре находится Heartland (Сердцевинная Земля), которая тождественна в своих границах исторической России, о чем уже упоминалось выше; Rimland (Внутренний полумесяц) совпадающий с береговым пространством евразийского континента; World Island (Мировой Остров) или Внешний полумесяц; Макиндер формулирует важнейший геополитический закон - кто правит Восточной Европой, тот господствует над Хартландом; Кто правит Хартландом, господствует над Мировым островом, Кто правит Мировым островом, господствует над миром⁹.

Анаконда

В классической модели геополитики особую роль играет геостратегия, получившая название «Анаконда». Принцип анаконды (смысл заключается в блокировании вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что постепенно приводит к истощению противника), успешно апробированный в гражданской войне США в 1861-1865 гг., был перенесен на планетарный уровень адмиралом А. Мэхэном и предложен для борьбы с континентальными государствами Евразии - в первую очередь с Россией и Китаем, а во вторую – с Германией.

Термин геостратегия З. Бжезинский, продолжатель дела Х. Макиндера и один из идеологов Холодной войны, в своей работе «План игры»¹⁰ определил так: геостратегия - это объединение геополитики и стратегии; ее задача - максимизация коэффициента полезных действий и перенос геополитики и стратегии из области теории в область практики.

Оценку эффективности данной геостратегии в интервью журналу «Экономические стратегии»¹¹ (в контексте национальной безопасности) дал Г. Зюганов, заявивший, что «1500 американских баз обложили нас со всех сторон и как только выдернут у нас ядерный зуб, начнут

⁹ Там же.

¹⁰ Бжезинский, З. План игры : геостратег. структура ведения борьбы между США и СССР / Пер. с англ. — М. : Прогресс, 1986.

¹¹ [Электронный ресурс] URL: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/files/2011_03/ES2011-03-zyuganov.pdf (дата обращения - 24.11.2011).

диктовать условия». В данном контексте интересной является статья ведущего эксперта американского Фонда «Наследие» по проблемам России, Евразии и международной энергетической политики Ариэля Коэна, написанная для федерального еженедельника «Российские вести»¹². Ариэль Коэн считает, что первостепенная геополитическая цель США по-прежнему заключается в недопущении возврата евразийской империи, будь то под эгидой России или Китая, и ревизии международного устройства Евразии, возникшего после окончания Холодной войны.

З. Бжезинский в своей работе «Великая шахматная доска»¹³ честно и прямолинейно говорит о том, что конечная цель американского империализма - это покорение Евразии, а НАТО призвано играть такую же роль как морской флот для адмирала Мэхэна в прошлом. Поэтому расширение НАТО на Восток необходимо рассматривать не как неотъемлемую часть развития Европы, а как продвижение к границам России враждебно настроенного альянса, возглавляемого Америкой.

Для оценки разворачивающихся процессов необходимо учесть и те изменения, что коснулись стратегии национальной безопасности США, обновленной в 2010 г. Основные положения сводятся к тому, что внешняя политика Соединенных Штатов должна быть перестроена с учетом присутствия в мире множества эволюционирующих угроз, включая войну в киберпространстве, эпидемические заболевания, этнические конфликты и неравенство. В самой военной стратегии применяются такие понятия как власть и сила (power)¹⁴. Профессор Гарвардского университета Джозеф Най и бывший Госсекретарь США Ричард Эрмитаж сформулировали основные принципы современных разновидностей power. «Power – это возможность влиять на поведение других для получения желаемого результата». источник любой power в первую очередь зависит от контекста. Hard power дает возможность странам использовать метод кнута и пряника для того, чтобы получить желаемый результат. Soft power дает возможность привлекать людей на свою сторону без применения насилия. Для soft power фундаментальной основой является легитимность. Smart power не является ни hard ни soft, а представляет собой комбинацию обеих. Под руководством Ная и Эрmitажа был подготовлен доклад по smart power, в котором было указано, что для достижения могущества в области smart power США должны сконцентрироваться на пяти ключевых пунктах:

¹² [Электронный ресурс] URL:<http://www.regnum.ru/news/1444178.html> (дата обращения - 24.11.2011).

¹³ Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геополитические императивы / Пер. с англ. — О. Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 2002.

¹⁴ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. – М.: Евразийское движение, 2011.

- Альянсы, партнерство и институции: необходима перестройка основ, которая будет учитывать глобальные изменения;
- Глобальное развитие: выработка унифицированного подхода, начиная с общественного здравоохранения;
- Общественная дипломатия: повышение качества доступа к международному знанию и процессу обучения;
- Экономическая интеграция: увеличение выгоды от торговли для всех людей;
- Технологии и инновации: они должны быть направлены на вопросы изменения климата и энергетической безопасности.

НАТО традиционно используют сочетание soft и hard power. Hard - при развертывании необходимых сил по выполнению коллективных обязательств по обороне, а также планировании и учениях, направленных на развитие структуры, а soft - чтобы установить соответствующий уровень сотрудничества с соседними государствами с целью снижения или избегания возможных причин конфликта¹⁵.

Балто-Черноморско-Каспийский регион

Аналитик Семен Залевский в своем исследовании¹⁶ утверждает, что в Балтийском регионе разворачивается стратегическая группировка войск, и под видом военных учений отрабатывается сценарий крупномасштабной войны, где главным противником выступает некое «придуманное государство», которое владеет огромными природными ресурсами в условиях проблем с доставкой этих ресурсов в западные страны. История НАТО свидетельствует о том, что за время существования Альянс не вел оборонительных войн, а действовал всегда превентивно, что так же отложило свой отпечаток и на характер учений.

В этом же контексте стоит упомянуть американскую систему ПРО, которую США активно разворачивают в Европе. Констатируя данный факт, МИД РФ выражает озабоченность быстротой и планомерностью осуществления этого проекта. При этом наше министерство иностранных дел ждет гарантий ненаправленности ПРО США в Европе против стратегических ядерных сил России. Стоит отметить, что подобных гарантий МИД РФ ожидал и после подписания договоренностей США с Польшей, с Румынией, а также после заявления Турции о готовности принять у себя американскую РЛС. К этому добавим дважды высказанную озабоченность МИД РФ заходом в Черное Море крейсера ВМФ США «Монтерей», оборудованного противоракетной системой «Иджис». Как заявили российские

¹⁵ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. – М.: Евразийское движение, 2011.

¹⁶ Залевский С. Европейская безопасность: зачем НАТО балтийский плацдарм? [Электронный ресурс] URL:<http://www.belvpo.com/1636.html> (дата обращения - 24.11.2011).

дипломаты, «Монтерей» был направлен в европейские воды в рамках реализации «поэтапного адаптивного подхода» администрации США к формированию европейского сегмента глобальной ПРО. «Первый этап этой программы предусматривает размещение в Адриатическом, Эгейском и Средиземном морях группы американских кораблей, призванных осуществлять защиту стран Южной Европы от гипотетических ракетных угроз. По официальной американской версии, они могут также выдвигаться в Черное море в случае необходимости, например, при обострении ситуации в регионе», — пояснили в МИД РФ. Какого рода угрозы и ситуации могут возникнуть для США в Восточной Европе?

Рассматривая западные границы России, стоит упомянуть и о старом геополитическом проекте, который подразумевает конструирование пространства в виде буферных зон в районе Балто-Черноморской дуги.

На протяжении последних 500 лет на этом пространстве проводились попытки по созданию пояса враждебных России образований¹⁷. В XXI веке этот тренд продолжается: прежде всего, это создание в 1997 г. ГУАМ (аббревиатура по первым буквам стран участниц: Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия, а с 1999 г. еще и Узбекистан). Основной целью блока было заявлено максимальное взаимодействие с НАТО, создание совместного миротворческого батальона для замещения российских миротворцев в зоне конфликтов на территории стран участниц (принятие решения было заблокировано президентом Молдавии В. Ворониным).

В экономическом плане - обеспечение энергетической независимости Украины и Молдавии от России благодаря азербайджанской нефти и ее транзиту в Европу, а также транспортный коридор в обход России Европа—Кавказ—Азия (TRASEKA).

Политическая составляющая в ГУАМ превалировала над экономической и, исходя из взятых ценностных ориентиров на США, НАТО и ЕС, можно сделать вывод, что созданная международная наднациональная организация на пространстве СНГ, действующая против РФ в экономическом и военно-политическом плане и направленная на отстаивание

¹⁷ В исторической ретроспективе подобного рода проекты создавались и со стороны Ватикана (Флорентийская уния: униатская (греко-католическая) церковь внесшая раскол в православных землях в XVI в. находящихся под протекторатом Речи Посполитой), со стороны Франции («Великий план» герцога М. де Сюлли XVII в., в котором речь идет о том, что в будущей европейской конфедерации нет места варварской Московии, ее следует вместе с турецким султаном «отбросить в Азию»), к XVIII в. к этим процессам активно подключилась британская дипломатия, со своими идеями восточного барьера по ограничению России в европейских делах, в 1919 г. итальянский и французский премьер-министры В. Орландо и Ж. Клемансо выдвинули идею «санитарного кардона» против распространения большевизма. В конце XX в. вновь стали воспроизводиться апробированные модели дуги, это оформилось ускоренным принятием в ЕС и НАТО восточноевропейских стран, бывших участников социалистического лагеря, а так же стран прибалтийского региона, на волне русофобской риторики и антироссийского курса. (прим. автора)

интересов третьих стран и организаций носит не только враждебный характер по отношению к России, но и действует не в интересах народов стран ГУАМ.

К 2003 г., несмотря на выбранный курс на сближение с Западом, в чем активно содействуют США и их союзники по НАТО, пытаясь укрепить свое влияние на постсоветском пространстве, ГУАМ начинает буксовать и фактически прекращает свое существование.

В общем-то, ГУАМ это не единственная попытка строительство «санитарного кордона», были и другие геополитические концепты, разработанные американскими стратегами, в частности Балтийско-Черноморское Содружество или так называемый союз стран Межморья, а так же Сообщество Демократического Выбора (СДВ) Балтийско-Черноморско-Каспийского региона, основная идея которого - это создание своего рода расширенного антироссийского ГУАМ путем привлечения к нему стран т.н. «Новой Европы» уже являющихся членами НАТО, плюс тех государств, которые стремятся войти в Североатлантический альянс.

В наши дни на пространстве Балтийско-Черноморско-Каспийского региона получил реализацию проект Восточного партнерства, представленный в 2008 г. на заседании Совета ЕС по общим вопросам и внешним связям Министерством иностранных дел Польши при участии Швеции, рассчитанный на шесть постсоветских государств – Украину, Белоруссию, Молдавию, Армению, Азербайджан и Грузию. Основная цель проекта – это интеграция этих государств в евроатлантические структуры, но так как перспектива принятия перечисленных стран в ЕС и НАТО весьма туманна, то речь идет об укреплении стратегического сотрудничества. В экспертной среде бытует мнение, что этот проект есть не что иное, как попытки «старой» Европы перехватить у США инициативу в «освоении» постсоветского пространства путём отрыва от России восточноевропейских стран СНГ. Однако, не стоит полагать, что сам проект идет в разрез с интересами США, тем более, что основные инициативы по продвижению «Восточного партнерства» принадлежат Польше, которая на сегодняшний день является основным проводником американских интересов в регионе.

Из обнародованных сайтом WikiLeaks рассекреченных документов переписки американских дипломатов со своими европейскими коллегами следует, что разговоры о перезагрузке являются всего лишь разговорами, в то время как Запад продолжает воспринимать Россию как угрозу, и предпринял ряд шагов по ее сдерживанию¹⁸. В частности, в депеше, составленной временным поверенным посольства США

¹⁸ [Электронный ресурс] URL:<http://www.kommersant.ru/doc-rm/1763891> (дата обращения - 24.11.2011).

в Стокгольме Робертом Сильверманом, говорится о том, что глубокая интеграция постсоветских государств с ЕС ничуть не менее важна, чем договор НАТО о коллективной безопасности, добавляя при этом, что Москва серьезно недооценивает эффективность «мягкой силы» (soft power).

Можно отметить, что политика ЕС не сильно отличается от политики НАТО, так как практически все государства входящие в Евро-союз являются членами Североатлантического Альянса. При этом существует некоторое разделение: ЕС сосредоточено на экономическом сотрудничестве, а НАТО сконцентрировано на военно-политическом и военно-техническом. Обозначим, что все геополитические и военно-стратегические интересы США и НАТО в регионе стоит рассматривать в контексте соперничества с Россией.

С 1997 г. черноморско-каспийский регион объявлен зоной американских национальных интересов и рассматривается не только как источник энергоресурсов, альтернативный Персидскому заливу, но и как плацдарм последующего доступа США к перспективным рынкам Китая, Пакистана, Индии и Юго-Восточной Азии. Действия Америки усиливают напряженность в регионе, что повышает вероятность возникновения конфронтационных ситуаций и конфликтов. Напомним, что основной целью США и НАТО является не допущение объединения России, Ирана и Китая в единый блок.

К упомянутым угрозам российской безопасности в военной и экономической сфере стоит добавить и угрозы культурологического характера. В этой связи релевантным является исследование аспиранта ННГУ Максима Медоварова¹⁹, который, говоря о геополитике букв, в контексте информационных войн, показывает, как в эпоху глобализации происходит использование графики и орфографии в идеологической борьбе. На территориях, где ослабевает влияние России, вместе с усилением западного влияния запускаются процессы, влекущие за собой замещение графического начертания алфавита, в частности с кириллицы на латиницу.

Все проекты, реализуемые в Балтийско-Черноморско-Каспийском регионе, имеют антироссийский характер, влекут за собой и милитаризацию региона для сдерживания потенциала России, и преследуют цель разрыва многовековых культурно-исторических связей, и вывода из-под сферы влияния России территорий, необходимых для ее выживания. Наглядным примером тому может послужить Грузия, которая модернизировала свои вооруженные силы при помощи и финансовой поддержке

¹⁹ [Электронный ресурс] URL:<http://www.rossia3.ru/politics/foreign/kirillitsa> (дата обращения - 24.11.2011).

США и НАТО: военная база вблизи города Сенаки в 2006 г., военная база в Гори в 2008 г., модернизация авиабазы Марнеули, строительство аэродромов вблизи Мestia, Чихареши, поставка грузинской армии боевых вертолетов «Апач» и «Блекхок», и т.д.

Центральная Азия

Для более полного понимания действий США в азиатском районе постсоветского пространства приведем высказывание помощника государственного секретаря США по делам Средней Азии Роберта О. Блейка, который в своей речи «Приоритеты администрации Обамы в Южной и Центральной Азии», произнесенной 11 января 2011 г., подчеркнул, что Средняя Азия лежит на стратегически важном перекрестке дорог, граничащих с Афганистаном, Китаем, Россией, Индией и Ираном. Это объясняет, почему Соединенные Штаты намерены расширять свое присутствие в этом критическом регионе и сотрудничать с находящимися в нём странами. Именно поэтому США, используя как предлог борьбу с «международным терроризмом», а так же раздавая различного рода финансовые и экономические обещания, небезуспешно склоняют страны региона – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан к созданию на их территориях американских военных баз и опорных пунктов. Заняв ключевые позиции в Центральной Азии, США замыкают кольцо своего господства вокруг Ближнего, Среднего Востока и Центральной Азии, получая при этом доступ к энергоресурсам региона. Заявляя о выводе войск из Афганистана, США и НАТО, скорее всего, будут реализовывать план по переброске военных в страны Центральной Азии.

В данном контексте нельзя не затронуть проект Большой Центральной Азии Фредерика Старра. Целью проекта является трансформация всего региона в зону государств с рыночными экономиками, светскими и открытыми системами государственного управления, уважающими права человека и поддерживающими позитивные отношения с Вашингтоном. В рамках осуществления программы «Большой Центральной Азии» США планируют создание энергосистемы, объединяющей Центральную и Южную Азию. Суть программы заключается в том, чтобы направить энергоресурсы Центральной Азии (нефть Казахстана, газ Туркменистана, гидроресурсы Кыргызстана и Таджикистана) в сторону Афганистана, Пакистана и Индии для удовлетворения их растущих потребностей. Создание БЦА позволит США не только вывести центрально-азиатские республики бывшего СССР, большинство из которых входит в Шанхайскую Организацию Сотрудничества, из-под влияния России и Китая, и объединить их с прозападно ориентированными странами Центральной Азии, но окончательно закрепиться в регионе.

Предлагаемый Америкой проект для Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана открывает некую альтернативу, так если евразийская интеграция мыслится как мост между ЕС и странами АСЕАН в Юго-Восточной Азии, то участие в БЦА - это мост между Ближним Востоком и Южной и Восточной Азией.

Отдельно отметим угрозу, связанную с увеличением объема производства героина и наркотрафика из Афганистана. Как отмечают эксперты, начиная с 2001 г., т.е. с момента вторжения США и сил коалиции в эту страну, выращивание опиатов увеличилось в три раза, а производство героина только за последний год составило порядка 870 тонн. Как отметил Директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ Виктор Иванов, Афганистан превратился по сути в наркогосударство - в стране производится 93% всех опиатов в мире. Только по официальной статистике, сегодня в России регулярно используют наркотики 530 тысяч человек, на деле эта цифра в три-четыре раза больше. 90% наркозависимых людей - это больные афганскими опиатами. И самое страшное, что 90% этих больных - люди в возрасте до 35 лет, - отмечает директор ФСКН РФ. По данным аналитиков, поставки героина в Россию осуществляют 180 афганских наркокартелей. У каждого из них свой уникальный товарный бренд, нечто вроде своеобразного знака качества, который ставится на упаковки с наркотиками. Изъятые с начала года полторы тысячи таких клейменных упаковок содержат порядка 300 миллионов разовых доз, то есть по две на каждого гражданина России, включая и младенцев. Какое количество героина удалось незаконно провезти на территорию России наркокурьерам, остается лишь гадать.

Азиатско-Тихоокеанский регион

Россия в данном регионе граничит с Китаем на юге, КНДР на крайнем юге, Японией на юго-востоке и США.

Стратегии США в регионе в основном направлены против возрастающего потенциала Китая. Напряженность в отношениях приобрела более жесткий характер после того, как в 2010 г. на встрече глав МИД стран АСЕАН во Вьетнаме госсекретарь США Хиллари Клинтон заявила, что Вашингтон выступает за свободную навигацию в Южно-Китайском море, которое Китай считает зоной своих ключевых интересов. После этих событий можно было наблюдать рост военной активности Соединенных Штатов, в частности проведение военно-морских маневров Pacific Reach с участием США, Японии, Южной Кореи, Австралии и Сингапура, а так же первые совместные военно-морские учения США и Вьетнама. При наличии у Китая споров с соседними странами о морских территориях, обстановка в регионе заметно накаляется.

Так же в своем недавнем турне по тихоокеанскому региону Барак Обама заявил: «Поскольку мы закончили все войны, в качестве приоритетной задачи я поручил своей команде национальной безопасности обеспечить присутствие и миссию в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Добавив, что США усилят свое влияние на регион, несмотря на сокращения бюджета. На практике эти заявления выльются в создание военных баз морской пехоты в Австралии и в Сингапуре, а так же в укреплении военных связей с Филиппинами.

Еще одним немаловажным событием стало заявление президента США на саммите Ассоциации Государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) на острове Бали о том, что с двухдневным визитом Бирму посетит Хиллари Клинтон. Цель визита заявлена как дальнейшее давление на правящую хунту, уже объявившую о реформах, которые должны повести страну по пути политической и экономической открытости, к ослаблению политического контроля и расширению свободы СМИ, что позволит США открыть путь во власть бирманским оппозиционным силам. Происходящие события говорят о том, что получит реализацию концепция «углублённой демократии». Вот ее основные пять компонентов: честные и свободные выборы; свобода собраний, выражения мнений в СМИ; верховенство закона, которое осуществляет независимое правосудие, право на честный суд; борьба с коррупцией; реформирование спецслужб и правоохранительных органов (включая полицию) и обеспечение демократического контроля над ними. Воплощаются эти реформы следующим образом: глобальные неправительственные организации выделяют гранты широкому кругу НПО и НКО на выявление нарушений со стороны властей в вышеперечисленных сегментах общественной жизни. Последние в свою очередь публикуют отчеты и привлекают внимание мировой общественности к попранию демократических ценностей и ущемлению прав человека. Оппозиционные силы внутри страны начинают устраивать акции протеста, на которых, как правило, провоцируются силовые структуры на жесткие меры, создавая в информационной среде авторитарный антидемократический образ власти. Для выведения людей на улицы используются сетевые технологии, в частности *Socket puppet revolution*, и ненасильственные методы сопротивления, описанные Джинном Шарпом в своей работе «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения». О противостоянии «гражданского общества» и власти подхватывают транснациональные СМИ, лидеры западных стран начинают оказывать давление и требовать не только реформирования системы власти, но и смены последней.

Реализацию данной концепции на практике можно отследить на примере событий происходящих не только в Ираке и Афганистане, но и в феномене в странах Магриба, названном прессой «арабской весной».

Можно с уверенностью говорить о том, что в скором времени будут запущены деструктивные процессы по созданию пояса нестабильности в Южно-Азиатском регионе на границах Китая, возможно также, что в очередной раз будет разыграна карта радикального исламизма. Также стоит ожидать вспышек сепаратизма в самом Китае, тем более, что предпосылок для этого более чем достаточно.

Для полного понимания этих процессов рекомендуется ознакомиться с работами Стивена Манна, в частности об «управляемом хаосе»²⁰, в которых он предложил модель, построенную на аналогии между государством и компьютерной системой²¹. Любая страна ассоциируется с «железом», а политическая культура и идеология - с программным обеспечением. Демократия, которую стоит рассматривать как саморазвивающийся вирус, внедренная в «компьютерную систему» позволит достичь положительного результата по смене режима, не прибегая к военным действиям и оккупации. Как это было в Египте и Тунисе; при сопротивлении со стороны правящих элит, как это было в Ливии, возможны и силовые методы, но смена действующей администрации все равно произойдет под лозунгами защиты демократии.

Мнения, что напряженность между США и Китаем находятся в сфере их двусторонних отношений, являются ошибочными. Американо-китайское противостояние имеет глобальный контекст и в ближайшем будущем окажет фундаментальное влияние на расстановку сил и изменения всей архитектуры мира. Во-первых, Китай на сегодняшний день - это экономика номер один в мире. Во-вторых, китайцы сейчас проводят колоссальное перевооружение своих вооруженных сил, и если они успеют его закончить, США останется лишь признать свое поражение. Но согласятся ли американцы уступить мировое господство? Нет. Поэтому-то Пол Вулфовиц и говорит о том, что последний год, когда можно начинать войну против Китая, – 2017. После 2017 г. воевать будет уже бесполезно. Поэтому в ближайшее время против Китая будут запущены различные стратегии, за которыми будут стоять США, явно или косвенно.

Наличие конфликта и постоянно подогреваемой напряженности со стороны США между Северной и Южной Кореей, являются сигналом, что и эта ситуация будет задействована для дестабилизации. Китай вряд ли останется безучастным в случае развязывания военных действий против КНДР. Тот факт, что союзником Сеула являются США, только обо-

²⁰ [Электронный ресурс] URL:<http://www.rossia3.ru/politics/foreign/kirillitsa> (дата обращения - 24.11.2011).

²¹ Савин Л.В. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс] URL:<http://www.fondsk.ru/news/2011/03/23/teorija-haosa-i-strategicheskoe-myshlenie.html> (дата обращения - 24.11.2011).

стряет ситуацию в приграничных с Россией территориях.

Несмотря на то, что российско-японские отношения невероятно важны для обеих стран, их омрачает 2 момента: наличие территориального спора и военное присутствие вооруженных сил США, дислоцированных на острове Окинава. Летом 2011 г. по итогам очередного раунда двусторонних переговоров в формате «два плюс два» представители Японии и США в совместном заявлении консультативного комитета по безопасности США и Японии обозначили одной из стратегических целей альянса Вашингтона и Токио полную нормализацию российско-японских отношений посредством урегулирования вопроса о принадлежности «северных территорий». «Северными территориями» Япония называет Южные Курилы. Участвовавшие в переговорах госсекретарь США Хиллари Клинтон, шеф Пентагона Роберт Гейтс и министры иностранных дел и обороны Японии Такэаки Мацумото и Тасими Китодзава не позволяют сомневаться в серьезности подобных намерений. Тем более, что США связаны с Японией союзным договором 1960 г. и правительство Соединенных Штатов неоднократно высказывало признание суверенитета Японии над ее «северными территориями».

Отметим, что в отношениях России и США есть комплекс территориальных противоречий. Москва не ратифицировала Вашингтонское соглашение 1990 г. о передаче Соединенным Штатам спорного сектора в Беринговом море. США так же оспаривает эксклюзивные права российской стороны на ряд участков Северного морского пути. Акватория Северного Ледовитого океана не до конца разграничена, обе стороны имеют разные позиции по этому вопросу, но об этом чуть ниже. Что же касается американского военного потенциала в регионе, то, прежде всего, нужно отметить военные базы на Аляске, где дислоцированы две бригады сухопутных войск, два авиакрыла ВВС, а так же 176-е авиакрыло ВВС Национальной гвардии США с транспортными самолетами С-130Н. При этом в Форт-Грили находится самый крупный позиционный район глобальной системы ПРО США, оснащенной ракетами GB1, количество которых планируется довести до 30-40 штук. Так же на Аляске дислоцируются корабли и катера береговой охраны, которые относятся к 14 району Тихоокеанской зоны береговой охраны. Принято решение о строительстве двух новых передовых баз береговой охраны на Аляске в Барроу и Номе.

Северные моря России

В связи с начавшимся интенсивным таянием арктических льдов исчезновение ледового покрова создает условия для круглогодичного плавания торговых судов и боевых кораблей по Северному морскому пути

и сезонного в высоких широтах. Северный морской путь из Европы в Азию почти на 5 тыс. км короче пути через Суэцкий канал. Смягчение климата на планете прогнозируется не однозначно, но американские стратеги не сидят, сложа руки, и уже готовятся к открывающимся новым вызовам. «Изменения климата открывают водные пространства Арктики не только для разработки новых ресурсов, но также для новых судоходных маршрутов, которые могут изменить глобальную транспортную систему», – говорится в американской «Стратегии сотрудничества по военно-морским силам XXI века». В международной политике руководства США одно из центральных мест занимает признание растущего значения региона не только для экономики страны, но и для военных целей. Что нашло свое отражение в американской стратегии национальной безопасности. Ежегодные масштабные военные учения, проходящие в Арктике, наглядный тому пример. США планируют закончить развертывание, в рамках новой архитектуры системы ПРО, боевых кораблей не только в Средиземном, Черном, Балтийском, но и в Баренцевом и Северном морях. Генсек НАТО так же выразил мнение, что Альянсу будет необходимо расширять военное присутствие в Арктическом регионе по мере того, как глобальное потепление будет растапливать северные льды. Арктика имеет важное военно-стратегическое значение. Здесь находятся удобные позиции для старта баллистических ракет, для систем противоракетной обороны и для других элементов систем стратегического сдерживания.

С международно-правовой точки зрения в современных условиях Арктика остается «ничьей землей». Однако в последнее время звучали призывы к пересмотру этого статуса, поскольку в Арктике открыли широкий ряд полезных ископаемых и залежи некоторых из них подходят для промышленного освоения. При этом действия России по юридическому закреплению за РФ территорий арктического шельфа рассматривается в США как угроза американским национальным интересам, где России отводится место главного соперника США в борьбе за преобладание в Арктике.

Стратегия США в Арктике соответствует сложившейся практике американских действий в ключевых регионах мира. При реализации своих интересов особое внимание уделяется формированию негативного отношения международного сообщества к государствам-конкурентам. Проводя информационные кампании по дискредитации, Вашингтон расширяет свое военное присутствие в регионе, на базе которого формируется механизм силового реагирования на возникающие кризисы. Так, например, американские СМИ постоянно подчеркивают экономические и социальные проблемы в арктической зоне России, формируя

мнение о том, что только расширение иностранного экономического, гуманитарного, а в перспективе и политического присутствия в российской Арктике может спасти регион «от деградации» и экологических угроз. При этом задействуются различные международные и российские экологические организации, создающие общественный резонанс о наносимом вреде окружающей среде Арктики со стороны России. США уже сегодня требуют прямого доступа своих представителей к российским военным объектам и технологиям, настаивая на реализации программ по утилизации объектов российских военно-морских сил, в частности программы Нанна-Лугара. То есть США помимо чисто экономических задач пытается решить еще одну - установление контроля над российским Северным флотом.

Заключение

Начальник Генштаба Минобороны России Николай Макаров, выступая с докладом в Общественной палате РФ, сказал о том, что возможность локальных вооруженных конфликтов практически по всему периметру границы России резко увеличилась. При определенных условиях локальные и региональные вооруженные конфликты могут перерасти в крупномасштабную войну, в том числе с применением ядерного оружия. При этом Макаров также напомнил о возможных угрозах в Средней Азии в случае вывода американских войск из Афганистана.

Для противодействия развертыванию системы ПРО в Европе Россия вынуждена принять ряд оборонительных мер. Российские баллистические ракеты оснастят перспективными комплексами преодоления противоракетной обороны, Вооруженные силы РФ разработают меры по разрушению информационных и управляющих средств американской системы ПРО, а в Калининградской области будет развернут ракетный комплекс «Искандер». С такими словами обратился к гражданам РФ президент Дмитрий Медведев.

Так же стоит обратить внимание на то, что в последнее время во многих аналитических журналах, издаваемых в США и Европе часто употребляются фразы - распад России на маленькие национальные государства, война на Кавказе как катализатор процесса распада России, и т.д.

Евразийские интеграционные процессы в данном контексте стоит рассматривать как геополитический ответ на глобальные вызовы и создание одного из полюсов многополярного мира.

Стратегическая переорганизация

Токмакова М.В.

Важнейшим геополитическим проектом на постсоветском пространстве на сегодняшний день является Евразийский Союз (ЕАС). Евразийский Союз представляет собой проект конфедеративного союза постсоветских государств с единым политическим, экономическим, военным, гуманитарным и культурным пространством.

Впервые проект евразийской интеграции был предложен президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым в марте 1994-го года. Незадолго до этого, во время визита в Великобританию Назарбаев, выступая в Королевском институте международных проблем «Chatham House», отметил необходимость более глубокой интеграции стран СНГ¹. Предполагалось, что вначале в Союз войдут пять республик бывшего СССР: Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан. В дальнейшем к Союзу могут присоединиться другие государства: Армения, Узбекистан, возможно, Украина, а также так называемые непризнанные республики Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье.

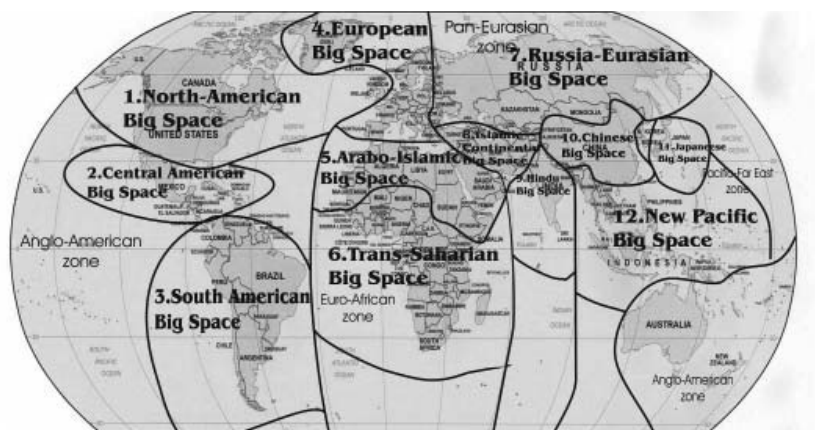
Выдвижению идеи по созданию Евразийского Союза предшествовала трагическая история политического распада большого постсоветского пространства в результате попыток его реформирования, а возможно и умышленной дезинтеграции, либеральными политиками. В ходе реформ Советского Союза выдвигались различные предложения.

Одним из предложенных проектов по реформированию союза республик по типу мягкой федерации был Европейско-Азиатский Союз 1989-го года, автором которого являлся А.Д. Сахаров, представитель «демократической» фракции Съезда Народных Депутатов СССР. Проект предполагал наделение суверенитетом и правом выхода из союза около пятидесяти равноправных республик, ранее составляющих союзные республики и автономии СССР². Реализация данного проекта оказалась бы полным разрушением постсоветского пространства, но проект не был принят.

В марте 1991-го года прошел Всесоюзный референдум о сохранении СССР, на основе которого в рамках новоогаревского процесса был разработан проект создания мягкой децентрализованной федерации Союза Суверенных Государств (ССГ). Согласно «Договору о Союзе суверенных государств», «государства, образующие Союз,

¹ Медведев Р.А. Становление евразийского проекта Нурсултана Назарбаева. [Электронный ресурс] URL: <http://www.2000.net.ua/f/58040> (дата обращения: 11.03.11)

² Сахаров А.Д. Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sakharov-archiv.ru/Raboty/Constitution.htm> (дата обращения: 11.03.11)

обладают всей полнотой власти, самостоятельно определяют свое национально-государственное устройство, систему органов власти и управления, они могут делегировать часть своих полномочий другим государствам – участникам Договора»³. Но в результате августовского путча, нацеленного на срыв подписания данного договора, ССГ не был создан. Более того, на территории постсоветского пространства начался «парад суверенитетов». Впоследствии М. Горбачев писал: «августовский путч сорвал процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, усложнил и подстегнул дезинтеграцию – уже не только государства, но и общества. Понимая всю опасность новой ситуации для демократических преобразований, возобновление работы над Союзным договором я рассматривал как самый главный приоритет»⁴.

По мере усиления дезинтеграционных процессов работа по проекту ССГ снова была возобновлена. Главным вопросом перед политиками стоял о форме будущего государственного образования, будет ли это союзное государство или союз государств. 14-го ноября 1991-го г. на Госсовете в Ново-Огарево главы суверенных республик пришли к выводу: «должно быть конфедеративное союзное государство»⁵. Было решено заключить договор о создании ССГ 9-го декабря 1991-го года, но 8-го декабря подписанием Беловежского соглашения был юридически закреплен развал СССР и создание Содружества Независимых Государств.

³ Проект: Договор о Союзе Суверенных Государств 27 ноября 1991 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bibliotekar.ru/mihail-gorbachev/85.htm> (дата обращения: 11.03.11)

⁴ Горбачев М.С. Декабрь-91. Моя позиция. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/MEMUARY/GORBACHEV/proziciya91.txt> (дата обращения: 11.03.11)

⁵ Там же

Интересно, что 9-го декабря 1991-го г., в день, на который было намечено подписание соглашения о создании конфедеративного Союза Суверенных Государств, в Маастрихте было заключено соглашение по проекту трансформации Европейского сообщества в конфедерацию – Европейский союз⁶.

Таким образом, пал один из полюсов биполярного мира – Советский Союз. На территории постсоветского пространства не замедлили активизироваться множество вооруженных конфликтов. Общее гуманитарное, социальное, экономическое, хозяйственное пространство оказалось разделено границами суверенных государств. Между бывшими советскими республиками был установлен визовый режим, распалась зона рубля введением национальных валют, между странами начались взаимные претензии, в том числе по делимитации границ.

В мероприятиях по обсуждению конфедеративного проекта неизменно участвовали Россия, Белоруссия и пять среднеазиатских республик. И по сегодняшний день именно эти страны сохраняют интерес к постсоветским интеграционным процессам. Основным столпом объединения являются: Казахстан, Белоруссия и Россия.

В прямом эфире 18-го октября 2007-го г. В.В. Путин заявил: «Руководство Казахстана и президент Казахстана, по сути, являются движущей силой, лидерами в том, что касается интеграции на постсоветском пространстве. Очень многое из того, что достигнуто в сфере интеграции, было сделано по инициативе президента Назарбаева».⁷ Тем не менее, к сожалению, многостороннего согласия по организации Евразийского Союза пока не достигнуто. Россия и Белоруссия образовали Союзное государство, с переменным успехом преобразующееся из конфедеративного союза в будущую мягкую федерацию.

Главные ориентиры Казахстана на интеграцию в пределах постсоветского пространства были четко обозначены Н.А.Назарбаевым в марте 1994-го г., «Есть присущие только этому пространству, бывшему СССР, формы и механизмы связей и управления, менталитет. Сейчас кризис общественной системы усугубляется кризисом разрыва государственного единства, все это привносит элементы социальной неустроенности, усиливающие политические кризисы и конфликты. Мы хотим минимизировать экономические и социальные последствия разрушения Союза..., но

⁶ 1990-1999 A Europe without frontiers http://europa.eu/abc/history/1990-1999/1991/index_en.htm (дата обращения: 11.03.11)

⁷ НИА «КазИнформ» Председательство Казахстана в ОБСЕ свидетельствует о высоком международном авторитете Президента РК Н.А. Назарбаева. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zakon.kz/61045-predsedatelstvo-kazakhstan-v-obse.html> (дата обращения: 11.03.11)

не нужно возрождать империю, которая денационализовала республики, на это никто не пойдёт»⁸.

Устойчивое конфедеративное образование ЕАС также может перейти в мягкую федерацию, что происходит сейчас, например, с Союзным Государством России и Белоруссии. Впрочем, перед Евразийским Союзом еще рано ставить такую задачу, но в нем заложена максимальная привлекательность для всех его участников. «Речь идет лишь о добровольной интеграции, опирающейся на очевидные экономические выгоды и разумно понятые национальные интересы»⁹. Для этого на пути к Евразийскому союзу создается общее экономическое пространство при помощи ЕврАзЭС. На сегодня данная организация и создаваемые в ее рамках Таможенный союз и ЕЭП являются главным достижением на пути к Евразийскому Союзу.

Многие механизмы взаимодействия в ЕврАзЭС создавались с учетом опыта и правил в работе Европейского Союза. Тем не менее, в евразийской интеграции учитывается специфика региона, наличие регионального гегемона. Экономическая интеграция между постсоветскими странами относительно схемы, по которой развивался Евросоюз, представляет скачкообразное развитие, что также говорит об особенностях евразийского региона.

Содружество Независимых Государств, на которое часто возлагают свои надежды по интеграции постсоветских стран, выполнило свои дезинтеграционные функции, и теперь служит памятником прошлого единства. Учитывая данную особенность, а также отсутствие альтернативных организаций, объединяющих большую часть постсоветских государств, стоит считать Содружество полезным. В отличие от СНГ, проект Евразийского Союза предлагает народу общую объединительную идею, выступает «прообразом будущего объединения стран и народов уже на гораздо более высоком уровне»¹⁰.

В проекте Евразийского Союза заложена концепция евразийства, отражающую специфику постсоветского пространства. В узком смысле евразийство понимается как «философия интеграции постсоветского пространства на демократической, ненасильственной и добровольной основе без доминирования какой бы то ни было этнической или конфессиональной группы»¹¹.

⁸ Назарбаев Н.А. Союзы нет, все свободны, но обречены все решать сообща: [Беседа с Президентом РК об отношениях Казахстана с государствами СНГ / Записал О. Лацис.] // Известия. М., 1994г., 11 марта. С.4

⁹ Медведев Р.А. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева. Сойдутся ли Восток и Запад // Экономические стратегии. №03-2008. С.20-24

¹⁰ Медведев Р.А. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева. [Электронный ресурс] URL: <http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/korni/42353> (дата обращения: 11.03.11)

¹¹ Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М., 2004. С.228

В широком смысле евразийство представляет «цивилизационный концепт, который призван стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от атлантической глобализации»¹². Евразийский союз как Большое русское пространство, политически оформленное в конфедеративной форме, представляет один из полюсов многополярного мира наравне с Европейским Союзом и другими цивилизационными полюсами.

Постсоветское пространство представляет собой место развития особой евразийской цивилизации как социальной общности, состоящей из множества социокультурных формирований. Политические, социально-экономические геополитические и реалии обуславливают межгосударственную форму организации евразийского народа¹³.

С точки зрения автора проекта Н.А. Назарбаева, основным звеном в объединительном процессе является именно Россия, экономически и геополитически наиболее мощная на постсоветском пространстве¹⁴. Как показал опыт функционирования СНГ, республики «вынуждены решать свои экономические и геополитические задачи в одиночку. Слабый же, как известно, не выбирает союзников, а подчиняется тому, кто сильнее»¹⁵.

Сегодня всем постсоветским странам, а в особенности имеющим стратегическое значение, необходимо не столько исходить из экономических выгод, сколько из стратегических условий. Именно геополитические условия подтолкнули европейские страны к объединению, а экономика была как средством сдерживания внутренних противоречий, так и консолидирующим фактором.

В рамках постсоветской экономической интеграции как этапа на пути к Евразийскому Союзу основными интеграционными субъектами являются Россия, Казахстан и Белоруссия. Из всех среднеазиатских постсоветских республик Казахстан является идейным двигателем данного объединения. Позитивное отношение и готовность поддержать инициативы интеграционного ядра выражают Киргизия и Таджикистан еще со времен проекта ССГ.

Несколько более дистанцированными от активной интеграции являются Узбекистан и Туркменистан. Данные государства находятся в процессе цивилизационного выбора, который зависит от выдвигаемых

¹² Там же, С.217

¹³ Касенов У. Интеграция в СНГ: состояние и перспективы // Панорама. 1997г., 11 апреля. С.7

¹⁴ Медведев Р.А. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева. [Электронный ресурс] URL: <http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/kornii/42353> (дата обращения: 11.03.11)

¹⁵ Там же

интеграционных проектов. Узбекистан не раз изменял свою позицию то отчуждаясь от интеграционных проектов с участием России, то вступал в объединения дезинтегрирующего характера, такие как ГУАМ. Туркменистан, в свою очередь придерживается политики нейтралитета¹⁶, что также является скорее негативным фактором для евразийской интеграции. Проблемным моментом интеграции с участием среднеазиатских стран является социально-экономические различия, препятствующие активной экономической интеграции.

Закавказские государства также являются важным звеном в евразийской интеграции. Проблемы интеграции в данном регионе связаны с наличием территориальных конфликтов и геополитическим расположением постсоветских стран. Наибольший интеграционный потенциал среди стран данного региона имеет Армения, находящаяся в конфликте с менее расположенным к объединению Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха. Также негативной стороной интеграционного потенциала Азербайджана является выход из ОДКБ и участие в ГУАМ.

Наибольшую проблему для евразийской интеграции представляет Грузия, играющую ключевую роль в дезинтеграционном объединении ГУАМ. Грузия находится в конфликте с регионами Абхазии, Южной Осетии и Аджарии. Военное столкновение в 2008-м году с участием российских войск, а также планы по вступлению в НАТО указывают на крайне низкий потенциал сотрудничества Грузии с евразийскими объединениями. Схожими характеристиками обладает и Молдова, член ГУАМ, ориентированная на европейскую интеграцию, и также имеющая территориальный конфликт в Приднестровье.

Для устойчивой интеграции на сегодняшний момент евразийскому объединению не хватает Украины. После выборов зимой 2010-го г. отношения России и Украины стабилизировались, но из-за социально-политической ситуации в стране украинское руководство вынуждено вести осторожную политику. В силу ряда политических, геополитических, социальных и экономических особенностей Украина представляет критически важного участника евразийской интеграции¹⁷.

Евразийская интеграция находится сегодня не в самых худших условиях, но сильно зависит от политической обстановки в странах постсоветского пространства. Каждые выборы лидеров и политического курса в многочисленных постсоветских странах при отсутствии сильной интеграционной структуры подвергают опасности всю хрупкую конструкцию евразийской интеграции. Так, некоторые исследователи междуна-

¹⁶ Агамамедова З. Холодно – о горячем // Международные процессы. Т.8, №2(23), май-август 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.intertrends.ru/three/012.htm> (дата обращения: 11.03.11)

¹⁷ Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М., 2004. С.231

родных кризисов прогнозируют возможное разжигание конфликтов в среднеазиатских странах¹⁸.

Тем не менее, прошедшие выборы в Белоруссии, а также абсолютная поддержка населением Казахстана своего «елбасы», сохраняет относительную стабильность в дальнейшем ходе интеграции Евразийского экономического союза. Приближающиеся президентские выборы в России представляют собой важный фактор в будущем развитии интеграции. Программная статья главного кандидата в президенты России В.В. Путина под лозунгом создания Евразийского союза, подписание Россией, Белоруссией и Казахстаном 18 ноября 2011 г. договора о создании наднациональной Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) уже не оставляет сомнений в направлении развития постсоветского пространства.

Формирующийся на наших глазах Евразийский союз – это «будущее, рождающееся сегодня», которое политически организует стратегическое пространство геополитического «сердца мира», и от которого зависит не только будущее постсоветского пространства, но и международных отношений в целом. У евразийской интеграции имеются как сторонники, так и противники, поэтому скорейшее осуществление Евразийского Союза представляет на сегодня первейшую необходимость.

¹⁸ ИАС «Русская народная линия» Александр Собынин: Киргизии американцам мало. [Электронный ресурс] URL: http://ruskline.ru/news_rl/2011/02/04/aleksandr_sobyinin_kirgizii_amerikan-sam_malo/ (дата обращения: 11.03.11)

Что такое жить в империи

Лурье С.В.

Мы живем в многонациональном государстве. И этого факта никто не сможет отменить. Вторая Чеченская война, и ее практически единогласное одобрение российским обществом, говорит о том, что идеей мононационального государства, нации-государства мы уже переболели. Вспомним, как на протяжении многих лет, вполне серьезные политики всерьез могли говорить: «А не отпустить ли нам Чечню на все четыре стороны?» и никто не запирал их в сумасшедший дом. Сегодня подобное могут позволить себе только политические маргиналы. Большинство давно уже не сомневается в том, что Чечня, Татария или Осетия – это такая же Россия, как и Вологодчина или Брянщина.

Заодно как-то улетучилась и мысль, что все многонациональные государства — достояния прошлого, что все империи рано или поздно погибают. Мы живем и, главное, собираемся жить в некоем подобии империи — иначе почему бы нам не избавиться от всех конфликтных или потенциально конфликтных регионов, не провозгласить, что Россия страна русских и только русских (другой вопрос – что это за «русские», которым нужна для счастья куца и обкорнанная Россия?) и навсегда забыть о головной боли связанной с межнациональными противоречиями? Мы, однако, ворчим, но тянем свой воз. Нет даже убедительных объяснений, почему мы его тянем. И вольно или невольно жалеем об ушедших от нас республиках, которые, в большой мере в состоянии перестроечного энтузиазма мы сами же от себя и прогнали или напугали так, что они просто вынуждены были от нас сбежать. И опять же нет рациональных объяснений, почему жалеем. Просто есть некое общее ощущение, что порознь — неправильно. И все.

Итак, мы живем в некоем подобии империи — раз. Собираемся так жить и дальше — два. И не желаем чувствовать себя виноватыми перед другими народами нашей страны — три. Называться империалистами, однако, не хотим. Империалистами мы называем американцев, когда особо злы на них. И они нас так же называют, когда желают подчеркнуть свою антипатию к нам. И мы на них при этом обижаемся.

Примем как факт, что все три вышеперечисленных тезиса верны. Чтобы устранить противоречие, необходимо, прежде всего, просто развести понятия империализм и имперскость. Под империализмом традиционно понимают экспансию, имеющую целью прагматические интересы — экономические и политические. Когда ради этих интересов проливаются потоки крови, это эгоизм чистой воды. Я не хочу сказать, что Россия никогда не лила потоков крови во имя государственного эгоизма, лила, но ощущала, что делает

что-то неправильное. Когда ради выгоды завоевывали Среднюю Азию, то чувство собственной неправоты даже превалировало. В заметках военных и политических деятелей того времени лейтмотивом звучит: нас гонит вперед какой-то рок. Смысла движения в Среднюю Азию русскими не ощущалось. Англичане, завоевывая Индию тоже, между прочим, чувствовали, что делают что-то не то, и более того, политическая верхушка Британии скрывала от своих граждан завоевание Индии, а когда граждане были поставлены перед фактом, разразился скандал. Который, впрочем, быстро утих, потому как в английском языке существует поговорка «right or wrong — my country». У нас похожей поговорки нет. Зато на протяжении столетий в каждом храме России за великим повечерием пели и поют до сих пор: «С нами Бог, разумеете, языци, и покоряйтесь, яко с нами Бог». А помните, что Лермонтов писал:

*«... Такой-то царь, в такой-то год
Вручал России свой народ.
И Божья благодать сошла
На Грузию, она цвела,
Не опасаяся врагов,
Под сенью дружеских штыков».*

Вдумаемся в эти строчки: ничего себе самомнение! А стоит за ним именно ощущение, что сделано правильно. Правильно, потому что «с нами Бог». Правильно, потому что присоединяем мы к себе народы, или даже силой оружия покоряем — для их Блага — с нами Бог. А если они с нами, то и с ними Бог. Россия потому и Россия, что она всегда права. Россия сама всегда на стороне Бога. Если она не права, то это уже, как бы, и не Россия.

В словах Лермонтова очень остро это ощущение имперскости. Не империализма, а имперскости. Если брать рубеж XVIII и XIX веков, то никакой особой выгоды обладание Закавказьем нам не сулило. Крови же, если брать в расчет и длительные кавказские войны, которые велись, чтобы удержать в своих руках Закавказье, пролито было предостаточно.

Но только ли нашей крови и крови непокорных горцев? Ничуть не бывало. Крови закавказских народов — грузин и армян — пролито было также немало. И славились они своею храбростью и отвагой. Обратившись к истории, мы изумимся — сколько среди высших и низших военных чинов русской армии, даже генералитета, нерусских фамилий. В Тбилиси на берегу Куры, около армянской церкви кладбище героев кавказских воин — Тер-Гукасова, Бебутова, Лорис-Меликова и других. Ради чего воевали они? Ради возможности остаться в нашей империи. Ради нашей империи.

Импульс Империи дает один народ. Он включает в свой жизненный круг, в свой государственный круг другие народы, иногда с их согласия, иногда против их воли. Делает он это не ради политического интереса и выгоды,

а ради своих идеалов. Потому что чувствует, что правильно именно это, потому что чувствует «что с нами Бог» и смеет сказать «Покоряйтесь языци, яко с нами Бог». Он предлагает другим народам так же жить с Богом. И другие народы это очень часто понимают, воспринимают правильность происходящего и вливаются в ряды народа, с которым Бог. Таким образом, все здание империи строится на всепроникновении этой высшей ценностной доминанты, которую можно назвать центральным принципом империи.

Имперская иерархия строится на всепроникновении этого принципа. По мере того как Империя набирает силы, эта иерархия делается наднациональной и в этом — одна из целей имперского строительства. При этом государственные сановники из «инородцев» могут сохранять или не сохранять свою «этничность» — культурные и поведенческие особенности. Это собственно не важно. Гражданством империи национальность как бы превосходится. Другие народы, все новые и новые народы активно включаются в процесс имперского строительства. Поэтому нечего удивляться, что закавказские народы, всеми силами сохраняя свою этничность, сражались и умирали за нашу империю. Они считали ее своей империей, такой же нашей, как и своей. Наша империя стала их родиной, их страной, в той же мере, что и нашей страной. Потому что покорились они не нам как этнической общности, а принципу империи, если не религии империи, то культуре империи, тому, что нас с ними объединило.

«Национализм» имперского народа, стремление выделить для себя какое-то исключительное место, поставить собственный «национальный интерес» или, того хуже, собственную этничность, выше имперского принципа имеет своим следствием не только неизбежную деструкцию империи, но и распад народа. Множество народов имеет некий благопристойный национализм, который если и агрессивен, то в меру, который ведет народ к хотя бы относительному процветанию, который, в конце концов, вразумителен, его можно одобрять или не одобрять, но его всегда можно понимать. В России прошел какой год с начала пресловутой перестройки, а вразумительного национализма так и не зародилось. Года с восемьдесят седьмого в разнообразной «патриотической» прессе идут разговоры, что России нужна нормальная националистическая доктрина, а ее все нет и нет. Мы порождаем таких националистических монстров, на которых смотреть противно, весь наш русский национализм — не национализм, а карикатура на него. Все рожаем «не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку».

Не надо себя мучить и других пугать. Врожденного чувства этничности у нас нет, мы не делим и не сможем поделить мир по принципу «русский» - «нерусский». Не то, чтобы у нас не было ощущения русскости, но из нашего ощущения русскости, из нашей любви к России, из нашего патриотизма

национализм не вылепить. Мы скорее запишем в русские всех хороших людей – будь они хоть папуасы. Мы сформировались как имперский народ и поделаться с этим ничего невозможно, а главное не нужно.

Потому русские и согласны были жить в том жалком подобии империи, который именовался Советским Союзом и там тоже служили своего рода имперскому принципу, только искаженному и уродливому, безбожному принципу. Американцы, которые на долларовой купюре пишут «Мы верим в Бога», словно лучшего места для этого интимного признания не найти, для которых Бог как бы сливается с долларом, все-таки имели некоторые основания обзывать нас империей зла. Мы рискнули скинуть с себя зло, зло коммунизма. Понимая, что коммунизм, как рак, пропитал все клеточки нашей государственности, мы оказались способными рискнуть государственностью, решив, что если для того, чтобы очиститься от зла, надо разрушить само государство его воплотившее, то мы пойдем и на это. Рискнули. Много потеряли. Но потеряли не все. Осталась странная и невыразительная Российская Федерация, медленно и мучительно очищающаяся от многолетнего зла, но еще аморфная, неприкаянная, увязающая в больших и маленьких грешках, и тоже, по сути, жалкое подобие империи. Мы согласны жить и в ней.

Но почему мы должны жить в жалком подобии империи, а не в Империи? Честное слово, потому что боимся слов, кем-то измазанных, запачканных слов — и не более того. Мы спокойно сносим, когда на телевидении и в газетах слова «империя», «имперский» появляются исключительно как ругательство, как способ одернуть нашу власть, когда она пытается поступать более-менее по правде. Мы трусим помогать нашим союзникам не потому даже, что опасаемся, что и нам достанется. Мы боимся сделать имперский жест, четко очертить нашу зону влияния, потому что боимся упрека имперскости. Но ведь это бред. Этот страх не стоит одного волоска сербского ребенка.

Пора где-то остановиться в этом саморазложении и самозапугивании. Хватит предавать других, хватит предавать и калечить себя самих. Нет у нас выбора. Россия никогда не станет государством-нацией. Россия мучится, будучи федерацией, России незачем быть пародией на империю. Она должна перестать бояться собственной тени и сказать самим себе – наша цель — имперское строительство, нам надоело жить в плоском бумажном мире карикатур, мы хотим нормальной Империи.

Сама по себе бесконфликтность, конечно, не является самоцелью. Империя предполагает служения высшим целям, которое требует дисциплины. Но, прежде всего оно требует дисциплины от самого имперского народа.

Почему одни народы создают империи, а другие - нет? Иногда говорят, что все народы стремятся к империи, удастся ли реализовать это стремление - зависит от возможностей, то есть внутривнутриполитических и внешнеполитических

предпосылку. Последнее, конечно, важно, но это не все. Еще говорят, что это зависит от внутренней силы народа. Верно, но слишком расплывчато. Верно ли, во-первых, что империи хотят все? В некотором смысле, да. У каждого народа есть свое представление о должном состоянии мира, и ему кажется, что его точка зрения лучше, и он бы хотел, чтобы ее разделяли другие. При этом каждый народ считает, что его точка зрения не только лучше, но и правильной, поскольку она имеет важные онтологические основания. Весь вопрос в интенсивности этого чувства, а именно Богом данной народу правды. Бывают случаи, когда такое чувство, будучи очень интенсивным, ведет к самозамыканию, но это скорее исключение, чем правило. Главное же, готов ли народ нести жертвы ради своей правды, и не только в том, что касается завоевания других. Империя это и завоевание самих себя, встраивания себя, порой ценой жестких самоограничений, в собственный идеальный образ. Это первый признак имперского народа.

Второй признак касается содержания мессианской идеи. Она должна быть в принципе приемлемой для других. В противном случае возникнет империоподобное экономическо-политическое образование, а не империя в полном смысле этого слова.

Дополнительно к этому можно назвать умение транслировать свою правду другим народам. Если первые две характеристики имперского народа являются культурологическими, то здесь мы переходим уже к его этнопсихологическим характеристикам. Это, прежде всего, повышенная способность к взаимодействию с другими народами, что является следствием наличия у имперского народа развитого культурного сценария межэтнического взаимодействия. Внешне это проявляется как инстинкт, позволяющий правильно вести себя с представителями других этносов, так, чтобы ненавязчиво привить им определенные культурные черты. Русские крестьяне-колонисты были в этом смысле образцом и по наитию действовали часто вернее, чем имперская администрация.

Вторая важная для имперского народа этнопсихологическая особенность - способность к колонизации. Колонизации в прямом смысле этого слова - способности и склонности образовывать колонии вне места своего компактного проживания. Не на солдате держится колонизация, а на крестьянине. Именно народные поселения являются форпостами империи.

И, наконец, умение выносить и преодолевать те внутренние противоречия, которые неизбежно несет в себе империя как всякий живой организм. Здесь требуется налаженный мощный механизм отреагирования конфликтности.

Мы обладаем всеми вышеперечисленными качествами, но они нуждаются в развитии. Чтобы приступить к новому имперскому строительству, мы должны, прежде всего, работать над собой. Это потребует мужества, собранности, самоотверженности. Нам нужно воспитать из себя имперский народ, способный служить Идеалу.

Экзистенциальная геополитика Карло Террачано

Дугин А.Г.

Выбор Карло Террачано

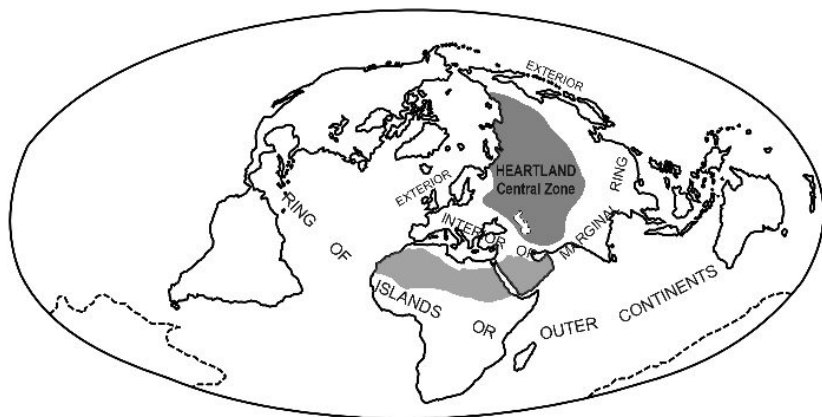
Я считаю Карло Террачано одним из основных европейских геополитиков последних десятилетий. Убежден, что он будет причислен к числу классиков этой дисциплины. Я имел счастье знать Карло Террачано лично, и всегда поражался последовательности его жизненной позиции: геополитика была для него экзистенциальным выбором, он прожил жизнь в полном соответствии со своими принципами, демонстрируя немислимые в нашу эпоху римские, олимпийские свойства личности – верность, несгибаемую преданность делу, полную моральную бескомпромиссность в отношении навязчивых влияний современного мира.

Карло Террачано был человеком идеи и человеком дела одновременно. В его случае теория и практика сливались в нечто единое и нераздельное, в цельный метафизический праксис. Что это была за идея и что за дело?

Генезис геополитики из морской пены

Карло Террачано является полноценным наследником геополитической традиции европейского континентализма. В своих трудах (объединённых в цикл статей «В пене истории») он прослеживает идейный генезис этой школы. В общих чертах он таков.

Английский империалист Х. Макиндер сформулировал главный геополитический закон – дуализм в противостоянии цивилизации Моря (талассократия) и цивилизации Суши (теллуракратия). Сам Макиндер был ярким представителем талассократии и обеспечил перенос геополитической эстафеты на уровне геополитической апперцепции от Великобритании к США. Макиндер был одним из создателей Лондонской Школы Экономики, содействовал возникновению «Чэтэм Хаус», Лондонского Королевского Центра Стратегических Исследований, и вдохновлял первый коллектив CFR (Council on Foreign Relations), публикуя именно в «Foreign Affairs» свои поздние статьи. От него к американцу А. Мэхэну ведет прямая линия атлантической геополитики, выливающаяся в американский реализм (и отчасти «мускульный либерализм», транснационализм и глобализм) вплоть до Киссинджера, Бжезинского, Д. Рокфеллера, с одной стороны, и неоконсов - с другой. Планетарная гегемония США как авангарда талассократии и идея западноцентричного мира с Мировым Правительством во главе – все это вытекает из планетарного видения Макиндера, доведенного до его логических пределов. Мир станет глобальным, если Море победит Сушу. На это

Макиндер положил свою жизнь. И сегодня мы видим, что многие его проекты воплотились в жизнь: он настаивал на расчленении России, создании «санитарного кордона» в Восточной Европе, разгроме Германии и России; всё это, так или иначе, реализовалось к началу XXI века, обеспечив условия для появления однополярного мира и глобальной американской гегемонии. Эта талассократическая империя на наших глазах становится реальностью.

Континентальный ответ

Но уже в первой четверти XX века концептуальный вызов Х. Макиндера был принят теми геополитиками, которые позиционировали себя на стороне теллурократии. Это была, в первую очередь, немецкая школа Карла Хаусхофера, которая стала разрабатывать основы теллурократической геополитики, Геополитики-2 (тогда как англосаксонская, талассократическая геополитика может быть по праву названа «Геополитикой-1»). Так была заложена основа континенталистской традиции.

Школа Хаусхофера предложила Германии осознать ее сухопутную, теллурократическую природу, объединить Европу на континентальной основе, заключить союз с СССР, укрепить союз с Японией и разгромить мировую талассократию в лице Англии, США и Франции. Только так Суша могла бы освободиться от Моря и претендовать на теллурократическую модель организации мирового пространства. Эта модель уточнялась через проект нового передела мира на основании Пан-Идей – четырех областей, интегрированных экономически, политически и стратегически по меридиану – с Севера на Юг. Хаусхофер создал основной концептуальный и теоретический корпус Геополитики-2, заложив базу европейского континентализма, в центре которого стояла Германия, как оплот европейской теллурократии (что признавал и Макиндер).

После поражения Германии и стран Оси во Второй мировой войне теллурократическая геополитика была дискредитирована и надолго отошла в тень. Американские авторы даже предложили отличать англосаксонскую «geopolitics» от германской «Geopolitik», считая первую вполне «приемлимым политологическим методом анализа международных отношений», а другую – «империалистическими фантазиями». Но за таким определением «научности» и «ненаучности» невооруженным взглядом видятся двойные стандарты и прямая политическая пропаганда победителей. Море победило Сушу и установило колониальную дисциплину – в том числе и в научной области, ведь знание, как показал в частности, М. Фуко, есть синоним могущества.

Тем не менее, эта континентальная школа теллурократической геополитики продолжала существовать в Европе в маргинальных условиях и после Второй мировой войны – примером чего являются работы австрийского генерала Йордиса фон Лохаузена, бельгийца Жана Тириара (с которым по воле случая Карло Террачано познакомился в Москве в моей квартире) и выдающегося французского философа Алена де Бенуа. Взгляд на мир с позиции Суши – вот особенность этой континентальной Геополитики-2. Из него вытекает четкое определение идентичности ролей в «великой войне континентов». Те, кто за Сушу, те против Моря, то есть против англосаксонского мира, против американской доминанции и против западноцентричной глобализации (мондиализма).

Теллурократическое свидетельство Карло Террачано

Карло Террачано был продолжателем именно этой континентальной геополитической традиции, ярчайшим и последовательным теоретиком и практиком Геополитики-2. Причем его работы являются, пожалуй, наиболее полными и последовательными. Он не просто продолжает рециклирование ранее существовавших теорий, но применяет базовые принципы Геополитики-2, теллуократии к анализу современной ситуации в мире. При этом он не оставляет сомнений в своем собственном выборе: он говорит от имени континента, Европы, теллуократии. А это в условиях атлантистской оккупации равносильно жесту восстания. Тем самым Террачано осуществляет важнейшее символическое действие: он конституирует субъектный полюс, наделенный волей и мышлением, который прорастает из-под постмодернистской свалки современной Европы, становясь революционным проектом альтернативной Европы, другой Европы, поднимающейся – пусть в теории – над развалинами современности. Террачано выполняет функцию геополитического свидетельства – то, что он есть, и тот факт, что он пишет и действует, уже означает,

что победа Моря не абсолютна, что в Европе есть очаги сопротивления и что эти очаги прекрасно и трезво осознают сущность, цели и ставки великой войны континентов. Тем самым, Карло Террачано, спасая традицию европейской континентальной геополитики, осуществляет теоретический перезапуск Европы.

Террачано как евразиец

Второй момент, описывающий суть теорий Карло Террачано, это его встреча с евразийской геополитической традицией, воссозданной в России с конца 80-х годов. Современная евразийская школа российской геополитики была образована в конце 80-х как постсоветская рефлексия на геополитическую карту Макиндера, в духе того ответа, которые дали на его теории немецкие геополитики школы Хаусхофера. Но в случае России симметрия была еще более совершенной: Макиндер в качестве главного врага талассократии выделял Heartland, контроль над которым обеспечивал талассократии мировое господство. Русские евразийцы конца 80-х приняли эту ситуацию на свой счет, признав теллурокартию как сущность русской судьбы. Россия есть Heartland, поэтому Геополитика-2 это русское дело. Так были заложены основы современного неоевразийства.

Российская евразийская геополитика осуществила встречу с европейским континентализмом в 1992 г. – во время одновременного визита в Москву Жана Тириара и Карло Террачано. Жан Тириар был автором концепта «Евросоветской Империи от Владивостока до Дублина», а Карло Террачано в то время уже написал свою программную работу «В пене истории». Так европейский континентализм и русское евразийство сомкнулись. Нечто подобное тому, что Хаусхофер описал в проекте континентального блока Берлин-Москва-Токио, было возрождено на теоретическом уровне в начале 90-х годов в российско-европейском геополитическом диалоге, начавшемся в Москве, и продолжающемся и развивающемся до сих пор. В то же время Москву посетили и другие европейские геополитики, в частности, Ален де Бенуа, Клаудио Мутти. Во Франции очень сходных взглядов придерживался удивительный писатель-традиционалист Жан Парвулеско.

Карло Террачано играл в этом сближении одну из ведущих ролей, так как со страстной энергией принялся развивать именно это евразийское направление, призванное объединить все континентальные силы в единый антиталассократический, теллурократический блок. Пусть пока это было на уровне интеллектуальной элиты и геополитических школ. Идеи имеют значение, и любое политическое действие всегда начинается с проекта, программы, стратегии.

Ислам и теллурократия

Анализ актуальной ситуации привел Карло Террачано к выводу о том, что многие исламские страны и исламская цивилизация в целом должны рассматриваться как важнейший союзник теллуократии в борьбе с американской гегемонией и глобализмом. Так, значение исламского фактора как союзного стало важнейшей составляющей современного неоконтинентализма, одним из создателей которого является Террачано. Ислам как теллуократическая сила – вот вывод Террачано. Это стало своего рода геополитической аксиомой современного евразийства.

Сам Террачано совершил серию поездок и дал ряд конференций в исламских странах – Иран, Сирия и т.д., где пропагандировал евразийскую континентальную геополитику. Идеи и действия, как всегда у Террачано, не расходились между собой.

Национал-коммунизм

Становление геополитических взглядов у Террачано сопровождалось соответствующими идеологическими и политическими обобщениями. Введение геополитического критерия, концептов континентализма и теллуократии требовали пересмотра политических основ классического европейского патриотизма, который обычно относился к «Третьей позиции» (антилиберализм и антикоммунизм), в духе Эволя, Хайдеггера или Йоки. Если мы становились на позицию Суши, то СССР превращался из одного из двух врагов Европы - в союзника. Это требовало радикального пересмотра «Третьей позиции» и перехода к синтезу между европеизмом и советизмом, то есть, к национал-большевизму. Аналогичную эволюцию претерпели в середине 80-х годов взгляды главного теоретика европейских «новых правых» Алена де Бенуа. В отличие от многих других «национал-революционеров», Карло Террачано, не колеблясь, принял это идеологическое направление, и стал одним из лидеров национал-коммунизма в Италии. Антисоветизм и антикоммунизм (особенно сегодня, после конца СССР) играют на руку только талассократам, либералам и глобалистам. Потому надо решительно покончить с этим и активно сотрудничать со всеми левыми силами, борющимися с американской гегемонией и либерал-капитализмом, которые воплощают в себе суть талассократии, цивилизации Моря. Это движение влево для Террачано стало логическим выводом из геополитического анализа, и он не замедлил решительно двинуться в этом направлении, став как продолжателем традиции «Юной Европы» (вслед за Клаудио Мутти, другом и соратником Карло Террачано), так и зачинателем нового национал-коммунистического и евразийского направления в современной итальянской, и шире,

европейской политике. Этому Карло посвятил отдельную программную книгу под выразительным названием «Национал-коммунизм».

Социальная справедливость – это ценность традиционного общества. Иерархия, построенная по материальному принципу, классовое расслоение, лежащее в основе капитализма, это абсолютное зло, которое должно быть ниспровергнуто. Борьба с либерализмом, капитализмом и мировой олигархией за свободу, справедливость и социальный строй, основанный на солидарности и взаимовыручке – вот главная задача национальных революций. Никаких компромиссов с буржуазией и их меркантильными, материалистическими и эгоистическими ценностями. Человек – существо коллективное. Традиция – это дело всех. Чтобы утвердить ее в мировом масштабе, необходимо разрушить до основания Вселенную «золотого тельца». И в этом деле левые силы, борющиеся за социальную справедливость – союзники и друзья, равно как и правые, отстаивающие ценности духа, веры и верности корням (ведь эти ценности также несовместимы с капитализмом и торгашеским духом).

Традиционализм и сакральная геополитика

И, наконец, огромное значение имеет тот аспект мысли Карло Террачано, который связан с традиционализмом и Традицией. Сам Террачано следовал по пути, намеченному Юлиусом Эволой, считая себя носителем духовной традиции Запада, уходящей в недра Античности, греко-римского неоплатонизма. Он с уважением относился к исламу и индуизму, испытывал симпатию к греческому и русскому Православию, но до конца своих дней воздерживался от уточнения своей религиозной принадлежности. Он был традиционалистом и поборником древних индоевропейских ценностей. И именно эти ценности, по его мнению, должны были стоять в центре той священной войны, которую он вел с современным миром.

Традиция связана с Сушей. Современность – с Морем. Традиция – теллуократия, современность – талассократия. Поэтому геополитика у Террачано приобретает сакральное измерение; она есть не просто технический инструментарий для корректного политического анализа или стратегического планирования, но идеология, духовный выбор, призыв к священной эсхатологической битве, *Endkampf*, требующей от нас полной мобилизации всех жизненных усилий, всего нашего бытия.

Карло Террачано дает нам пример того, чем должна быть жизнь настоящего геополитика, геополитика экзистенциального, онтологического, эсхатологического. Это тотальная мобилизация души, полная оплата своих убеждений всем содержанием героической и трагической жизни.

Сегодня многие сетуют: для подвига и борьбы не осталось места, все заведомо проиграно, ничто не дает результатов. Это слабость, трусость и низость. Если мы во что-то верим, мы всегда способны изменить окружающий мир. Нет такого врага, который являлся бы непобедимым для пылающего человеческого духа. Карло Террачано дает нам пример человека, до последнего дыхания отстаивающего свои убеждения. Его убеждения – наши убеждения. Его борьба – наша борьба. И борьба тех, кто придет вслед за нами.

Мне, признаться, совсем не интересно, каким человеком был Карло Террачано; его друзья утверждают, что прекрасным. Это не имеет значения. Это субъективно. Объективно он был героем. Настоящим героем континента, цивилизации Суши, Евразии. И это намного важнее. Только это имеет значение – идея, и брошенная в ее костер - до конца, полностью - человеческая жизнь.

Рецензии

д'Анкосс, Элен Каррер. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. – М.: Роспэн, 2010. – 431 с..

Савин Л.В.

Книга специалиста по истории России, доктора исторических наук и секретаря Французской академии посвящена истории Евразийской Империи – от первых дней ее основания до распада Советского Союза. Карты, данные в приложении, помогают проследить становление Руси-России в исторической перспективе.

Освобождение Московского и других княжеств от монгольской зависимости, объединение русских земель, борьба с интервентами на Западе, территориальные приобретения и реформы Ивана Грозного, воссоединение с Украиной и следующие исторические перипетии вплоть до Октябрьской революции и советского имперостроительства. Автор довольно подробно описывает внутренние проблемы, вплоть до межпартийной борьбы среди большевиков, реакцию Запада на те или иные геополитические изменения, идеологические течения и настроения, характерные для той или иной эпохи.

Материал дается более-менее взвешенно, хотя больше внимания уделено советскому периоду, вероятно из-за того, что автор больше разбирается в этом вопросе и имела наработанный эмпирический материал. Однако для автора характерны классические для западников ляпы, связанные с неправильным толкованием или не полной (дез) информацией по различным историческим событиям. Так, например, Нестору Махно приписывается политика антисемитизма, хотя в действительности этого не было. Совершенно пропущена Украина в гражданской войне, указано лишь, что это для нее был трудный период, а ее самоопределение осуществлялось только благодаря давлению внешних сил – Франции, Германии и Польши.

Кроме того, хотя и достаточно скрупулезно описаны национальные вопросы в СССР, алфавитизация и русификация других республик, бюрократические партийные проблемы и властные противоречия, совершенно не освещены альтернативные идеологии, в том числе

евразийство, созданное Савицким, Трубецким, Алексеевым и другими деятелями в эмиграции, что должно было стать как минимум, важным элементом истории советской эпохи. Ведь конфликты, в том числе национальные, и последовавшие уже при правлении Горбачева рассмотрены в книге весьма подробно. Это становится понятным, если ознакомиться с приведенной библиографией, так как из евразийских авторов там указана только одна книга Льва Гумилева.

В заключение на 25 страницах даны попытки осмыслить те преобразования, которые произошли после 1991 г. В первую очередь акцентируется внимание на параде суверенитетов и сопутствующие проблемы с Татарстаном и Чечней, где эволюция последней переросла в вооруженный конфликт, а также неопределенность развития в других республиках бывшего Союза. Отмечаются как попытки Запада манипулировать ситуацией с странами, ориентированными на внешние рынки (ГУАМ), так и интеграционные намерения - идея создания ЕЭП в 2003 г., организация шанхайской пятерки в 1996 г. и подписание договора о Союзном Государстве в 1999 г., хотя выводы об амбициях Лукашенко у автора мало соответствуют действительности. Зато отмечена возросшая роль США после событий 11 сентября 2001 г. и их влияние на ситуацию в Средней Азии. Элен Каррер вполне адекватно отмечает интерес США в контроле за азиатско-каспийскими нефтепроводами и желанием Вашингтона ослабить Россию, как путем «цветных революций», так и другими многочисленными демаршами. Автор также исследует и взаимоотношения России с соседями, прогнозируя определенное сближение с Китаем и, как противовес, дружбу с Индией, что позволит усилить азиатскую составляющую для общего фронта против давления Запада. Интересно, что отмечена роль Сирии и подозрение Дамаска к США в организации крестового похода для свержения правящей партии «Баас» (как видим, это уже происходит). Так как оригинальное издание вышло в 2005 г., соответственно, автор не смогла оценить ни Мюнхенскую речь, ни агрессию Грузии в Южной Осетии, ни дальнейшие преобразования, однако указывает, что руководство России вынуждено было переориентироваться на новые зоны влияния, а идеи создания «единственной евразийской державы» становятся вновь популярными, что, в конечном итоге, сможет помочь трансформировать Россию в республику-империю.

The Seven-League Giant. An Illustrated handbook of US aggression against the peoples of Our America. Havana, Editorial Capitan San Luis, 2011. – 192 p.

Прекрасное цветное иллюстрированное издание в виде альбома, снабженное картами, фотографиями, копиями документов и рисунками по данной тематике. Большая часть материалов в альбоме подготовлена Центром исторических исследований государственной безопасности (СНХСЕ) Республика Куба. Издание вышло на двух языках – английском и испанском.

Предваряет повествование об агрессии США доктрина «Предопределенной судьбы» (Manifest Destiny), которая стала для руководства Штатов обоснованием их интервенций, как на соседний континент, так и далеко за его пределы, а также подспорьем для дальнейшей доктрины Монро и установлением гегемонии. Как указывает в предисловии директор СНХСЕ Хорхе Эрнандес Мартинес, «панорама, представленная в книге, отражает постоянство и функциональность (этих) концепций, которые поддерживаются «внутренним консенсусом», требуемым политикой США на уровне общества и в вопросах «национальной безопасности» в ее проекции на Латинскую Америку».

Глава «Рождение Империи. 1776-1901» показывает те метаморфозы власти, которые произошли после провозглашения британскими колониями независимости, включая территориальную экспансию на Запад и на Юг. Приводятся высказывания отцов-основателей и поддержка антиколониальных движений в соседних регионах против европейских империй для того, чтобы захватить их позднее. Также рассказывается об уничтожении коренного населения Америки и присвоении колонизаторами себе титула «американец». Далее – присоединение французской Луизианы и оккупация Флориды. Поскольку книга посвящена агрессии США против Латинской Америки, соответственно подана информация о тех исторических деятелях в политическом истеблишменте Вашингтона, которые обосновывали и проводили интервенции в направлении южных широт.

Вторая глава, названная «Консолидация Империи. 1901-1958» отражает новый эпизод в истории США – это основание базы Гуантанамо на Кубе в 1903 г., последствия чего мы можем видеть и в настоящее время, известный коллорарий Рузвельта к доктрине Монро, дипломатию канонеров и денег, влияние США на мексиканскую революцию в 1910-1917 гг., усилия Вашингтона

по недопущению к власти независимых режимов в Центральной Америке, а также доктрину Трумэна и рост военно-промышленного комплекса.

Следующая, третья глава посвящена неутомимой борьбе Вашингтона по предотвращению триумфа социальных революций в Латинской Америке. Хотя, Кубинская революция 1959 г. стала серьезным ударом по империалистическому политике США, из-за чего руководство этой страны подготовило большое количество секретных планов по свержению нового правительства и развернуло кампанию террора, для которой использовались самые различные средства – команды наемников, промышленный саботаж, биологическое оружие и т.д. Не только Куба пострадала от действий Пентагона, ЦРУ и их сестринских структур. Никарагуа, Гренада, Гаити, Гондурас, Сальвадор, Венесуэла, Колумбия – народы всех этих страны прямо или косвенно ощутили на себе давление США либо в виде прямого вторжения, либо посредством переворотов и поддержки местных боевиков. Отдельной подглавой можно выделить размещение американских баз на территории Латинской Америки, многие из которых находятся там и поныне. Также уделено внимание современным методом подрывной деятельности – различным фондам правительства США, информационной войне, социальным сетям в Интернет и Киберкомандованию Пентагона.

Книга являет собой прекрасный пример информативного справочника, который сочетает в себе энциклопедический подход, ясность изложение и богатый иллюстративный материал.

Терентьев С.А. Арктика и Антарктика. – М.: Книжный клуб Книговек, 2011. – 416 с.

Книга, вышедшая в серии «Передел мира» посвящена двум территориям, которые до сих пор считаются общими, иначе говоря, ничейными, что подкреплено в различных международных договорах.

Труд выдержан в публицистическом стиле и рассчитан на широкого читателя. Автор избегает употребления специальных терминов и пишет вполне обычным языком, что, с одной стороны, заранее ставит его в позицию «не рабочих» материалов для научных и исследований, но с другой, помогает осветить эту проблематику в массах.

Тема Арктики и Антарктики, а также территориальных претензий в последнее время поднимается в кругах международников, геополитиков, стратегов и ученых, так как связана с целым комплексом вызовов –

от проблемы изменения климата, экологии и угрозы вымирания многочисленных видов, животных до интереса к ресурсам, северным коммуникациям и контролю над особыми зонами, которые могут стать ключевыми в военном и экономическом смысле.

С учетом технологического развития, глобального потепления и роста возможностей различных государств, которые ранее и не могли мечтать об этих территориях, Арктика и Антарктика могут стать новым яблоком раздора или же поводом для тесного сотрудничества.

Автор начинает книгу с истории открытия Антарктиды. Далее переходит к структуре ледяного континента, описывает климат, течения и проблему озонового слоя и парникового эффекта, которая в первую очередь, ощущается именно в этом регионе. Далее рассматриваются государства, которые имеют виды на Антарктиду, причем, к ним относятся не только страны-первооткрыватели и географически близкие державы, но также те, кто имеет свои научные станции в Антарктиде и даже виртуальные государства, вроде Доминиона Мелхиседека (интересно, что Конституция этого образования написана крупным американским юристом А. Блауштейном, который разрабатывал законодательства таких стран, как Перу, Польша, ЮАР, Румыния и пр., а также давал рекомендации по разработке Конституции РФ).

Вторая часть имеет аналогичную структуру, но посвящена Арктике. От описания экспедиций русских, англичан, голландцев, шведов и норвежцев автор переходит к географии – льды, течения, бассейны, а также территории арктической суши, которые относятся к суверенным государствам имеют место в разделе о составе Арктики.

Далее идет глава, посвященная приполярным широтам, причем в ней дается информация не только географического, климатического и геодезического характера, но и этнографического, так как приведены характеристики 15 народов – их обычаи, группы, диалекты и т.п.

Завершает книгу глава, посвященная обострению международных отношений, связанных с арктическими территориями. Автор не дает никаких возможных ответов и приводит лишь высказывания руководителей Российской Федерации по этому вопросу.

Также нужно отметить, что в книге нет указаний на документы и заявления лиц других государств, как по Арктике, так и по Антарктике, хотя стратегии многих конкурирующих держав содержат в себе подобные элементы.

Безусловным минусом издания является и отсутствие карт регионов. А при отнесении книги к научно-популярным, сразу же появляется вопрос об отсутствии фотографий и рисунков об экспедициях, народах и пр., что придавало бы книге больший интерес.

В целом, работа может служить дополнительным источником информации по тематике Арктики и Антарктики, проблемы, которых еще не раз вскоре дадут о себе знать.

Мямлин К. Высокий коммунитаризм как русская идея. – М.: Кислород. – 414 стр.

Алтухов В.А.

В издательском доме «Кислород» вышла книга Кирилла Мямлина «Высокий коммунитаризм как русская идея».

Магистральной линией этой книги является тезис о том, что западная цивилизация, да и остальной мир, подверженный её колоссальному влиянию, находится в точки бифуркации, суть которой, по мнению Кирилла Мямлина, заключается в том, что в ходе развития любая цивилизация достигает предела своего потенциала, после которого возникает выбор следующей траектории развития. Либо это прорыв в новую область возможностей, либо оптимизация старого поля возможностей, что всегда сопровождается стагнацией и деградацией, приводящих к коллапсу.

Воссоздавая контекст этой точки перехода, Кирилл Мямлин, ссылаясь на известного французского интеллектуала Алена де Бенуа, говорит о том, что в XX веке доминировали три идеологии – либерализм, коммунизм и фашизм, породившие множество промежуточных идеологических течений. Все они хоть и были пропитаны более глубокими цивилизационными лейтмотивами, но, тем не менее, являлись, как сейчас принято говорить, более инновационными. Либерализм и коммунизм имели в своем «коллективном бессознательном» монотеистические корни, в то время как фашизм и его аналоги вобрала в себя в основном различные эзотерические и мистические культы. Кирилл Мямлин выделяет борьбу либерализма с коммунизмом как основную не только в идеологическом плане, но и в контексте экономических теорий. При этом он отмечает - несмотря на то, что экономические построения либерализма и марксизма противостояли друг другу, тем не менее, оперировали основными базовыми понятиями и методами экономического анализа, так как были основаны на эконоцентризме и признавали универсальность основных принципов. По различным причинам все три идеологии исчерпали свою историческую релевантность и уместно говорить о «конце идеологий», несмотря на то, что к XXI веку все же осталась одна - либерализм.

Переходя к рассмотрению траекторий цивилизационного развития, в первую очередь хочется выделить понимание автором того, что он называет «оптимизация старого поля возможностей». В идеологическом плане речь идет о том, что либерализм трансформируется в неолиберализм, в «глобальное рыночное общество». Основными чертами, со ссылкой на профессора Дугина, Кирилл Мямлин называет отрицание государства и его контроль над экономикой, политикой и гражданским обществом; любые формы общинного ведения хозяйства; любые попытки перераспределять государственным или общественными инстанциями результаты труда; этнические принадлежности; какую бы то ни было коллектив-

ную идентичность. При этом установки либерализма базируются на следующих принципах: эгоизме, являющимся основным регулятором рынка; изолированности экономики от исторической реальности; анитисоциологизме; анитирегуляционизме и т.д.

Строительство глобальной либеральной цивилизации, которую уже окрестили «транснациональная цивилизация», в основе своей является сетевой, где уже сейчас просматриваются основные структурные компоненты в виде ВТО, МВФ, Мировой банк, Европейский банк развития и т.п. Контроль над этими структурами осуществляется группами финансовой олигархии, продвигающими концепцию «тоталитарной демократии», которая с одной стороны провозглашает виртуальную сферу личных свобод, а с другой накладывает табу на любые разговоры о социальном государстве и масштабные коллективные действия, как ведущие к «тоталитарному террору».

В книге огромное место занимает также тема виртуальных денег и связанных с этим проблемами, в частности тотальный контроль за действиями человека, использующего электронные деньги в повседневной жизни. Деньги проникли не только во все сферы человеческой деятельности, но стали эквивалентами взаимоотношений внутри социума.

Стоит отметить, что критике либерализма, включая неолиберализм и финансизм, посвящено очень много работ, поэтому не будем заострять внимание на данном аспекте книги, а перейдем к тому, что автор предлагает в качестве альтернативы.

Говоря о прорыве в новую область возможностей, Кирилл затрагивает тему четвертой политической теории, которая еще не сложилась и не описана, но которая может возникнуть из несогласия со сложившимся порядком вещей, с глобализацией, с гегемонией, с отчуждением и разрозненностью общества и т.д. В качестве альтернативы им предлагаются идеи Высокого Коммунитаризма, который автор соотносит к направлению в социальной теории, набравшей популярность к концу XX века. Основной сутью является стремление к сильному гражданскому обществу, костяком которого служат местные сообщества и общественные организации, а не отдельные личности.

Затрагивая тему коммунитарности, Кирилл приводит теоритические выкладки, при этом разделяя коммунитаризм на «высокий» и «низкий». Последний он характеризует как странную смесь, безусловно, позитивных локальных советов и наивного морализаторства, призванных к «прагматичному подновлению общества». Исследуя данный вопрос, автор в основном ссылается на идеи американского социолога Амитая Этциони и теорию о гражданственности Тери Купера.

Формулируя основные требования, которые Кирилл Мямлин предъявляет к «высокому» коммунитаризму можно выделить ряд основных, это:

1. Создание гармоничного общества социальной справедливости, уважающего права человека и права общества.
2. Признание того, что развитие отдельного человека бессмысленно рассматривать в отрыве от развития социальной среды.

3. Основной мировой концепцией должна являться система многополярного мира, признание возможности сосуществования разных цивилизаций и необходимости культурной диверсификации, отказ от европоцентризма, признание равной ценностью каждой из цивилизаций с построением между ними диалектической системы отношений, в которой различные культуры должны находиться в диалоге друг с другом и для каждого народа должны оставаться возможности следовать собственной истории.

4. Выдвижение концепции «общества совладельцев», которая рассматривает современную корпорацию не как машину исключительно для производства прибыли акционерам, а как социальный институт, защищающий гармонизированные интересы акционеров, менеджмента и персонала.

5. Экономическая система должна сохранять свою рыночность и свободу, но не абсолютную беспринципную свободу получения прибыли; втягивание менее развитых экономик в общий рынок на условии полной открытости недопустимо, таким рынкам необходимо применять принципы автаркии.

Экономический аспект Высокого Коммунитаризма Кирилл Мямлин обосновывает на альтернативных экономических теориях, которые совокупно называют неортодоксальными. Как уже было сказано, много материала в книге уделено деньгам, но в свете Высокого Коммунитаризма рассматривается концепция свободных денег (нем. *Freigeld*) Сильвио Гезеля.

По мнению Гезеля, традиционные формы денег предельно неэффективны, так как деньги должны быть лишь инструментом обмена, вместо этого в современных денежных системах преобладает кредитная система, предлагая не только лишить деньги возможности приносить прибыль за счет процентов, но и «их самих обложить процентами». Приводя множество исторических примеров по введению свободных денег, при этом всегда достигался ошеломляющий положительный результат, Кирилл Мямлин в своих выкладках оперирует деньгами с демерреджем, даже в тех случаях, когда речь идет об электронных деньгах.

Кстати, на территории Башкирии экономист Рустам Давлетбаев, как лекарство от финансового кризиса предлагает предлагают систему свободных и справедливых расчетов, основанную на гезелевских деньгах.

Так же в названии книги присутствует словосочетание русская идея, в качестве которой и предлагается Высокий Коммунитаризм. Стоит отметить, что на страницах книги часто приводятся цитаты русских мыслителей Николая Бердяева, Владимира Соловьева, встречаются цитаты

и поэта Пушкина, тем не менее, можно было бы проанализировать и теории государственности, предлагаемые Николаем Алексеевым (так называемое обязательное государство), Павла Флоренского, Сергея Кара-Мурзы и т.д. Однако, стоит отметить, что понятие коммунитаризм пришло к нам с Запада, поэтому не удивительно, что попытка формализации данного концепта возведенного в ранг Высокого Коммунитаризма основывается на западном научно-теоритическом базисе.

Все же нужно отдать должное Кириллу Мямлину за то, что в наш век, когда основная часть российского общества находится под влиянием идей индивидуализма, предлагается концепция нового общественного устройства, основанная на таком понятном для русского человека принципе как общинность или коллективность.

Сведения об авторах

Алтухов Вячеслав Викторович – сотрудник информационно-аналитического отдела Международного «Евразийского движения».

Гуарич, Лорен (Lauren Goodrich) - эксперт разведывательно-аналитического центра Stratfor (США)

Гулевич Владислав Александрович - политический аналитик (Украина).

Дугин Александр Гельевич - доктор политических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Лурье Светлана Владимировна – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН.

Матвиенко Юрий Андреевич - кандидат технических наук, профессор Академии Военных наук, АНО «Центр проблем стратегических ядерных сил АВН».

Пурушоттам, Смит (Smita Purushottam) - старший научный сотрудник Института оборонных исследований и анализа. Нью-Дели, Индия.

Савин Леонид Владимирович - главный редактор журнала «Геополитика» и интернет портала Геополитика.Ру.

Солозобов Юрий Михайлович - политолог, директор по международным проектам Института национальной стратегии, Россия.

Токмакова М. В. - аспирант кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Шаповалова Александра Игоревна - кандидат политических наук, Дипломатическая академия при МИД Украины.

Геополитика № 12. Мультиполярность

СОДЕРЖАНИЕ

Многополярность как проект миропорядка с позиции Суши.	4
<i>Дугин А.Г.</i>	
Наступление многополярности.	15
<i>Иммануил Валлерстайн</i>	
К вопросу о методе геополитики в условиях многополярного мира	24
<i>Желтов В.В., Желтов М.В.</i>	
Необходимость стратегии в многополярном мире: рекомендации для ЕС после Лиссабона.	32
<i>Томас Ренард, Свен Бишоп</i>	
Предпосылки многополярного мирового порядка.	41
<i>Савин А.В.</i>	
Многополярность, становящаяся «многосторонней».	52
<i>Альваро де Васконселос</i>	
Восточноевропейский национал-популизм и концепции многополярного мира	74
<i>Бовдунов А.А.</i>	
Рецензии.	87
Сведения об авторах	98

Все выпуски можно приобрести в редакции
или заказать подписку.
Подробности: geopolitika.ru@gmail.com

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XIII, 2011. - 112 стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных
Отношений Социологического факультета
МГУ им М.В. Ломоносова.

© – авторы.

Адрес редакции:

РФ, 115432 г. Москва, 2-й Кожуховский пр. д 12, стр. 2
Тел./Факс (495) 783 68 66
Geopolitika.ru@gmail.com
www.geopolitika.ru

Подписано в печать 7 декабря 2011 г.